

№21

Цена 20 коп.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ журнала „ВОКРУГ СВЕТА“

В РАЗЪЯСНЕНИЕ МАССОВЫХ ЗАПРОСОВ ПОДПИСЧИКОВ РЕДАКЦИЯ СООБЩАЕТ:

1) О неполучении 6—7 приложений годовыми и полугодовыми (сроком с 1 янв. по 1 июля) подписчиками.

В настоящее время разослано годовым подписчикам 11 приложений (8 книг), при этом книги М. Твена: „Приключения Тома Сойера“ (4-ая книга) и „Приключения Гека Финна“ (5-ая книга) являются ДВОЙНЫМИ, т. е. 4-ая книга разослана, как №№ 4 и 5 приложений и 5-ая, как №№ 6 и 7 приложений. Следовательно полугодовым подписчики, сроком с 1-го января по 1-ое июля были удовлетворены ВОСЕМЬЮ приложениями в 6 книгах.

2) О неполучении № 4 приложения по трехмесячной подписке на сроки с 1 янв. по 1 апр. и с 1 апр. по 1 июля.

Согласно разъяснения „О приложениях“ в № 2 журнала „Вокруг Света“ 3-х месячным подписчикам Издательство высылает ЧЕТЫРЕ приложения.

В текущем году по 3-х месячной подписке на сроки с 1-го января по 1-ое апреля и с 1-го апреля по 1-ое июля разосланы приложения за №№ 1, 2, 3 и 8:

№ 1 А. Савиньон — Золотое дно.

№ 2 Г. Уэллс — Рассказы о необычайном

№ 3 Ж. Тудуз — Человек, укравший Гольфстрем

№ 8 Хайнс — В южных морях

(т. к. промежуточные №№ являются двойными)

3) О невысылке приложений по долгосрочной подписке на сроки с 1-го сентября и 1-го октября.

За период Ноябрь — Декабрь Издательством будут разосланы остальные 6 приложений:

№ 12 — Побег революционеров

№ 13 — 4 рассказа

№ 14 — Велосипед

№ 15 — Бриг Мортон

№ 16 — В мастерской спортсмена

№ 17 — Альбом современной Англии

по подписке сроком с 1 сентября прилож. будут рассылаться с № 12
в следующем порядке: „ „ „ с 1 октября „ „ „ с № 17
„ „ „ с 1 ноября „ „ „ с № 16

Одновременно Издательство сообщает, что подписчикам за второе полугодие (июль — декабрь), рассылаются приложения с № 9 и по подписке сроком с 1-го августа с № 10-го.

4) Подписчикам на 1 и 2 месяца на „Вокруг Света“ с приложениями, таковые высылаться не будут. Приславшим сумму, превышающую стоимость подписки на журнал на 1 или 2 месяца, надлежит указать, как поступить с излишне переплаченными ими деньгами или же желающие получить текущие приложения могут их выписать наложенным платежом со скидкой 20% при условии высылки ярлыка под которым они получают журнал. Не приславшие ярлыка лишаются права на скидку.

Редакция „Вокруг Света“.

Фантазия, Путешествия, Приключения

Конан-Дойль. — Шерлок Холмс — Баскервильская собака, ц. 1 р. 20 к.
Его же. — В стране чудес о иллюстрациях, ц. 80 к. Его же. — Предсказания профессора Челленджера, ц. 80 к. Его же. — Торг. Дом Гердлстон и Ко, ц. 1 р. 20 к.
Зеллигер. — Петер Фосс похититель миллионов, ц. 1 р. 15 коп.
Лаблан, Мор. — Хрустальная пробка (похождения Арсена Люпена, ц. 1 р. 75 к. Лэндсбергер. — Приключения доктора Хирна (детективный роман), ц. 80 к. Хаггад. — Дитя бури, ц. 1 р. 0 коп.
Его же. — Копи царя Соломона, ц. 1 р. 50 к. Его же. — Бенита (роман), ц. 1 р. Его же. — Священный цветок, ц. 1 р. Его же. — Братья водки, ц. 1 р. Мухомов. — Пылающие бедны, ц. 1 р. Рони, старшица. — Удивительные путешествия Герстона Айонкестля с рисунками, ц. р. р. 20 к. Тудуз. — Человек который украл Гольфстрем, ц. 90 к. Его же. — Разбулдивший вулкан, ц. 1 р. 25 к. Клеммент. — Под дном морским, ц. 1 р. 25 к. На суше и на море. — 1-ый сборник путешествий и приключений, ц. 1 р. 25 к.

Периодические списки ПОИСКОВ УВЛЕКАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ БЕСПЛАТНО.

Высылает налож. платежом без задатка.

При заказе от 5 р. пересылка БЕСПЛАТНО.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН „ТРУД“

Москва, центр, Мясная, 15/В.

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК САМОУЧИТЕЛЬ

ВСЕХ РЕМЕСЛ В ОДНОЙ КНИГЕ: плотничьи, столярные, токарные, отделка деревянных изделий, корзиночные, бочарные, картонажные, переплетные, провололочные, кузнечные, слесарные, токарные по металлу, паяние, лужение, никелирование, выделка овчин, варка мыла, выделка щеточек, веревки, производство крахмала, зеркальные, обувные, гончарные, печные, малярные и штукатурные работы, детекторный радиоприемник. Со 148 рис. Ц. с перес. 3 р. 50 к. Можно посылать мелк. почт. марками. Заказы и деньги направлять: Книжный склад „КНИГОВЕД“, МОСКВА, 19, ул. Герцена, 22/Е.

ВЕЧЕРА ИГР И РАЗВЛЕЧЕНИЙ

ФОКУСЫ, ТАШЫ, всевозможные игры с нотами и рисунками. Сборник составил Зеленин, Нозлов и др. 310 стр. Ц. 1 р. 80 к.

ФОКУСЫ и НАУЧНЫЕ РАЗВЛЕЧ. Маслова. Ц. 85 к.

ФОКУСЫ основ на мистификации ловкости рук. Комарова. Ц. 35 к.

ГОЛОВОЛОМКИ с рис. и решен. Его же. Ц. 32 к.

ТОЛЧОК МОЗГАМИ. Сборн. шарадов, рад и загад. Сост. Гранич Бабурина. Ц. 80 к.

АЗБУКА ШЕШЕЧНЫХ ИГР с 150 лощками. Чепм. СССР. Медков Машин. Ц. 1 р.

Единственный по своей легкости. Общии цифирный самоучитель

ДЛЯ ГИТАРЫ МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ, с новыми песнями, романсами и проч. высылается за 2 р. 85 к.

ДЛЯ ГАРМОНИИ (двухр.) такой же самоуч. с 30 муз. алы. №№, выс. за 2 р. 85 к. Адр.: Москва, ул. Герцена, 22-17. Книжно- Дело „Просвещение“.

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

„ВЫБИРАТЕЛЬ ЮНОГО ЧИТАТЕЛЯ“

состоящая из 8 книг увлекательного чтения в красивом перепл., след. содержания:

- 1) З. Писемова. Среди углекопов.
- 2) В. Окс. Среди икарей.
- 3) Писемова. Жизнь Стенда.
- 4) В. Серошевский. Сыны неба.
- 5) З. Писемова. Полярный Робинзон.
- 6) Ириски. За свободу.
- 7) У. Селлиер. В тисках.
- 8) Стефенсон, Фултон-Фарадей.

Всё 8 книг высылается наложен. платеж. за 3 р. 20 к. Отл. книжка за 50 к. (цены указ. с пересыл. к.). Заказы адрес.: Москва, 19, ул. Герцена, 22. Кн. маг. М. З. Злышова.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.

не следует изучать по устарелым методам. Наилучшим признан новейший метод Мертнера, не требующий заучивания слов и правил. Самоучитель немецкого яз., состоящий из 10 выпусков, в обработке Б. Шмелева и доп. Госуд. Ученым Советом, высылается за 2 р. 85 к. Такой же английский самоучитель (практич. грамм.) высылается за 3 р. 15 к. Адр.: Москва ул. Герцена, 22-17. Книжное дело „Просвещение“.

Никотин разрушает здоровье НЕ КУРИ! „Вред табак“ и „Средства отучающие от привычки курить“ книж. и 2 лекц. 2 р. нал. пл. высыл.: Скл. П. Мартынов, Мещан. 6-1161, Москва

В. БЕЛЬШЕ ПОВОЙ ВОПРОС (ЛЮБОВЬ В ПРИРОДЕ)

3 больш. тома, 955 стр., изд. Госиздата. Цена 2 р. 50 к., о пер. 3 руб. Высыл. деньги вперед, за перес. не платить (можно почтовыми марками). Заказы направлять: Москва, Никольская, 17/19, пом. 42. Книжный склад „КНИГОВЕД“.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ на журнал „ВОКРУГ СВЕТА“ на 1928 год.

УХОТНИКИ для любителей животных, школам, библиотекам и всем интересующимся животными рекомендуются РЕДКАЯ КНИГА Владимир ДУРОВ. ДРЕССИРОВКА ЖИВОТНЫХ

СОБАКИ, КОШКИ, ПТИЦЫ, ЗВЕРЕЙ и пр. Книга написана на основании 40-летнего изучения животных, изложена доступным языком, является прекрасным руководством по ДРЕССИРОВКЕ и читается с большим интересом всеми. В книге 504 страницы и много рисунков. Цена 3 р., с пересылкой 3 р. 75 коп. (При высылке денег или почт. марок вперед высылается за 3 рубля) Книжпродвиз. общиная снмидна. Книжный склад КНИГОВЕД МОСКВА, 19, ул. Герцена, 22/Е

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА

Лер. Фонтанна, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Телф. 175-38.

Вокруг Света

№ 21

1927 г.
НОЯБРЬ
15

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: *А. Лебедеко. „Что происходит в Мексике и Никарагуа“? — В. Жан. „Старые и новые“. (Молодые партизаны). — Р. Леммон. „Пауки“. — Пограничник. „Волжистое тавро“. — А. Кокан-Дойль. „Глубина Маракота“. (Глава II). — Т. Вебб. „Пайка дурных земель“. — Костарев. „Глава по Дж. Риду“. — М. Ильин. „Электрофикация“ и т. д.*

ЧТО ПРОИСХОДИТ В МЕКСИКЕ И НИКАРАГУА?

Америку зовут «Великой заатлантической демократией».

Американцы уверяют, что эта самая свободная и самая свободолубивая страна.

Ведь она — инициатор многих мирных конференций, она подарила миру великого «миротворца» Вудро Вильсона, это она за зеленым столом в Женеве собирает державы для переговоров о разоружении, — все она, Америка, всегда первая в борьбе за мир.

Говорят, история Америки — это история борьбы за свободу. Сначала борьба за освобождение от английского владычества, затем борьба за освобождение негров, наконец, свободолубивый клич президента Монроэ «Америка для американцев», поставивший предел колониальным захватам европейских хищников в Новом Свете.

Однако, все эти миролюбивые действия, как видите, относятся к ранней молодости американского капитализма. Это были золотые времена, когда неогермисшаяся американская буржуазия заботилась только о том, как бы оградить себя и свою страну от нападения более мощных хищников. Перед нью-йоркскими и филаделфийскими капиталистами расстились еще девственные просторы Дальнего Запада, страны героя пастуха Буфалло Били и ковбоев, изумительных мастеров меткого выстрела и точно бросаемого лассо.

Но вот проходит XIX столетие и в XX веке Заатлантическая Республика выступает полнокровной, активной, империалистической страной.

Великая война делает Европу должником Америки, в подвалах американских банков скапливаются невиданные богатства, — половина всего мирового запаса золота, — и американский капитал оказывается рассеянным в займах и инвестициях по всему миру.

Нью-Йоркским капиталистам становится тесно в своей стране. «Америка для американцев» — этот когда-то свободолубивый лозунг приобретает совсем иное значение. Американские политические деятели непрочь и теперь бросить эту красивую фразу, но мысленно они всегда к ней прибавляют «и весь мир тоже для американцев».

За последние 30 лет американцы деятельно участвуют в разделе колониального мира, они захватили богатую Кубу и Филиппинские острова, получили концессии в Китае, но все это пустяки по сравнению с теми завоеваниями, которые сделал американский капитал в области захвата торговли и влияния на финансы в целом ряде стран.

Канада экономически уже почти что слилась с Соединенными Штатами, по существу перестав быть английской колонией. В Аргентине англичане медленно, но верно отступают перед напором американского капитала. Австралия тянется к Америке. Американская торговля в Китае, ко орая еще 5 лет назад была на третьем месте, сейчас обошла обоих конкурентов и Англию, и Японию.

Если перечислить государства, которые являются должниками Америки, то, за исключением СССР, придется выписать полный список всех стран всего земного шара. Когда то мировыми ростовщиками были Англия и Франция. Теперь их долю в кредитовании дру-

гих стран ничтожна, по сравнению с американскими оборотами. Так в 1925 году Англия дала в займы 79 миллионов долларов, а Америка 1200 миллионов, но ведь тот, кто дает в займы, тот получает в этой стране и экономическое и политическое влияние. Положение многих государств и правительств, особенно в Европе, далеко не твердое и, давая взаймы большие деньги, Америка оговаривает свое участие в финансовом управлении страной должника. Такой кабальный заем заключает сейчас Польша.

Всем известно, что самые богатые, самые могучие страны, как Англия и Франция, переживают сейчас тяжелое положение. Их хозяйство падает, а политическое положение на блещет устойчивостью. Америка, наоборот, Америка крепнет, идет в гору и теснит своих соперников буквально по всему миру. Слово Америки — решающее слово. Американский капитализм находится в расцвете и, как и всякий капитализм, он проявляет инстинкты хищника, с неудержанной жадностью захватывая все новые и новые участки для капиталистической эксплуатации.

Когда Америка говорит о мире, это значит, что мир ей выгоден. Там, где мир ее не устраивает, она сеет войну. Американские пацифисты дряблѣ лепечут что-то о мире всего мира. В Женеве представители янки ратуют за разоружение, а между тем Америка ведет непрерывную вооруженную борьбу в течение уже нескольких лет в центральной Америке, где прочно обосновался американский капитализм.

Маленькая республика Никарагуа и богатая черным золотом, нефтью, Мексика не перестают быть ареной борьбы, в которой главным застрельщиком и наиболее заинтересованной стороной является Америка.

Никарагуа слишком близко лежит к Панаме, а Панама — это великий путь из Атлантического океана в Тихий, ворота из одной половины земного шара в другую. В Никарагуа есть свой президент и правительство, но правит всем американский купец-банкир Броун. Президент избран на американские деньги и 80% всего населения его ненавидит. Его имя Диац. Это отъявленный негодяй и крайний реакционер. Он служит Броуну в тысячу раз вернее, чем своему народу или национальной идее. Население Никарагуа не мирится

теносные места американского юга. Они ведут войну с английскими компаниями и стремятся захватить власть во всей Южной или так называемой латинской Америке. На первом месте, конечно, Мексика. Как только в Мексике водворяется какое-нибудь правительство, Америка начинает его шантажировать, угрожая революцией. Американское оружие свободно вывозится в Мексику, а организовать и вооружить крупную шайку — дело недолгое.

Сейчас в Мексике у власти правительство Кейеса, трудовика, который борется с американским влиянием, пытается провести кое-какие радикальные реформы, вроде национализации земных недр, шахт и нефтяных приисков. «Культурная», передовая Америка борется с этим правительством, опираясь на попов, помещиков и прочие реакционные элементы. Наивные профессора Соединенных Штатов, все еще полагающие, что их страна несет с собой культуру в Южную Америку, уже 20 лет мечтают о том, чтобы построить американский университет в северной Мексике, но на это до сих пор не оказывается денег, а между тем, каждая такая революция и каждая американская экспедиция в Мексику стоит столько, что на эту сумму в каждом мексиканском городе можно было бы построить гимназию,

уличный бой в Мексике

с этим режимом и потому, как только нужно, соблюдая великие законы демократии, приступит к каким либо выборам, хотя бы даже муниципальным, бессовестные правители призывают американские крейсера и канонерки, американскую морскую пехоту и только тогда, под пушками, приступают к «свободным» выборам. Но и под мирной сенью пушек дело не проходит мирно. Каждые выборы вызывают кровопролитное столкновение. Америка, конечно, оказывается сильнее и выбирают того, кого нужно нью-йоркским банкирам.

Мексика страна революций. Бывают годы, когда революций совершается больше, чем месяцев в году. Не надо думать, что там происходит что-нибудь похожее на наш Октябрь; просто напросто одно правительство сменяет другое. И здесь вся суть в американской политике, которая хочет подчинить себе Мексику, столь богатую нефтеносными участками. Известно, что сейчас Америка стоит на первом месте в мире по добыче нефти, добывая 71% всей мировой добычи. Но Америка все же не самая богатая нефтью страна. В Мексике и Южной Америке находится 32% всей мировой нефти, тогда как в Соед. Штатах только 14% и американские нефтяные короли, истощившие местные участки, уже точат зубы на нетронутые неф-

те клуб и госпиталь.

Очередная революция, поднятая американцами против правительства Кейеса, на этот раз, повидимому, окончилась неудачей. Войска «революционеров» разбиты, часть главнейшей казнена, часть скрылась. Но, разумеется, Америка на этом не остановится и гражданская война в Мексике не утихнет.

Никарагуа и Мексика из стран Южной Америки только на первом месте, но и другие страны нью-йоркские банкиры не оставляют своим вниманием. Постепенно проводится в жизнь план захвата всей «Латинской Америки». Форд получил недавно огромную каучуковую концессию в Бразилии, Рокфеллер подбирается к венецульской и колумбийской нефти. Американский капитал примазывается к чилийской селитре. На этой почве растут противоречия между Америкой и Англией, а вместе с тем растет противодействие Америке, как со стороны населения всех этих республик, так даже и со стороны правительств крупнейших государств Латинской Америки — Бразилии, Аргентины и Чили. Путь капиталистических захватов всегда ведет к противоречиям, к столкновениям и венчается войнами, в которых за интересы капиталистов платят кровью широкие массы трудящихся.

Рис. худ. И. Королева.

МОЛОДЫЕ ПАРТИЗАНЫ.

Часть третья.

Содержание первой и второй части.

ГЛАВА XVIII.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в заимке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дук а — искаженное Ду́кка). В итоге — взаимная любовь.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дука в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авилов, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

В безысходной тоске Дука живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, пробил и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик остался сиротой.

Грянула в 1914 г. война и задушила всю якутскую торговлю. Никто не приезжал за рыбой и пушниной, никто не привозил чаю, табаку, сахару и т. д.

В 1918 г. дезертировал у колымчан исправник, а вместе с ним и прочие чиновные люди. Откуда-то пошли новые веления, выразителем которых явился батрак Митька. Он вдребезги разругался со своим хозяином, Макарьевым, и уходит с его двора, вместе со своей Мотькой.

Рушатся все устои веками сколоченной жизни. Созывается первый на Колыме «митинг», на котором вся власть вручается Митьке Реброву. Учтивая повсеместную, общую нужду, Ребров «макаризирует» местных торговцев, облагая их данью: чаем, табаком и водкой. А на следующий день уже само население устраивает пир на весь мир, не спрашивая и своего нового начальства.

Прочно укрепилась «макаризация» на Колыме, пока на северный край не стали наступать белые враги.

Под предводительством нашего старого знакомого, Викентия Авилова, ныне белого полковника, двигался на покорение Колымы небольшой отряд с пулеметом.

Весть о нашествии белых врагов доходит и до Колымска, где Митька Ребров сзывает вече. Защищать Колыму от карателей согласились максолы (комсомольцы) да приверженцы Реброва, казаки же и мешане заняли враждебную позицию. В итоге максолы и дружина Реброва уходят из Колымска, куда с колокольным звоном входят белые и принимаются за расстрелы.

Убитые лежали у проруби на льду, пока их не сожгли на костре, предварительно облив керосином. А тем временем, предводитель белого отряда, полковник Авилов, наводит справки об оставленном им сыне и узнает, что его Викеша — вожак Союза Молодежи и ближайший помощник Реброва, начальника колымских партизан.

Первая стычка партизан с белыми карателями окончилась гибелью Реброва и многих его товарищей от пулеметного огня. Убитых партизан раздели и окоченелыми статуями поставили на дороге. Это зрелище вырывает у Викешы клятвенное обещание не опускать своего ружья до тех пор, пока останутся на Колыме насильники.

Новые порядки оказались для жителей горше прежних Ребровских взиманий. Всеобщий ропот заставил нового начальника дружины, Мишку Якута, решиться на истребление одного белого отряда, поселившегося на Сухарной.

Поразительная весть облетела Колыму: карателей не стало на Сухарной. Перебили и в землю зарыли, чтоб следа наверху не осталось.

Это Пакино крылатое словечко передавалось с заимки на заимку. И все удивлялись одному: как мало этих белых и как легко с ними управиться. Только испугаться.

Победу на Сухарной связала Колыма с именем Викешы Казаченка. Про Паку и про Мишку Якута знали все, что было и даже чего не было, а все же говорили о камсолах: «Вот эти никому не поддадутся. Из молодых да ранние...». И клятву вспоминали Викешину: «Не вешать ружья, пока не перебьет всех гадов, людоедов».

На Среднюю Колыму, через пятьсот верст, весть о Сухарной победе дошла еще в более измененном, преувеличенном и также упрощенном виде: «Викеша Максол истребил карателей в Нижнем и идет на Средний Колымск».

Авилова словно кто разбудил, толкнул его и крикнул: — «Спасай свое княжество, Викентий!» Он запер на ключ свою потайную винницу и на утро созвал свое войско в полицию на боевое вече.

Силы карателей вообще не убавилось, ибо на смену погибшему отряду из Охотска пришло подкрепление, капитан Персианов с товарищи, т. е. четырнадцать человек: семь офицеров и при них семь ординарцев, а больше никого и ничего.

Старые и новые солдаты с офицерами вместе в указанное время явились к Авилову на вече. И неожиданно разгорелся скандал.

Авилов вышел на эстраду и своим медным голосом сказал несколько слов, простых и понятных: «Вышибают нас из Колымы. Куда пойдем? Наше это место. Не уступим. Вцепимся зубами». И вдруг оказалось, что старые солдаты разделились пополам, сообразно своему национальному характеру.

Конечно, башкиры были рады итти с Авиловым, хотя бы на край света, новое увидеть, и женщин и богатство. «Веди!» — кричали они и стучали прикладами об пол. А чувашки, напротив, переняли колымский характер, беззаботный и упрямый.

— Довольно убивала! — высказал их мнение Михеев. — Моя Колыма оставать, рыба ловить, мала дети кормить!...

— Рыло ты рыбье, чувашское! — насмеялся Карпатый Тарас. — Красные не спросят, довольно убивали или нет. Даже ребенка твоего — за ножку, да об пол!

Авилов сошел со ступеньки и подошел к Михееву. — Подумайте еще, — сказал он спокойно и непроницаемо.

— Мы не ходим воевать! — ответил Михеев упрямо. Другие чуваша вскочили с мест и обступили говорящих. Тогда Авилов вынул наган, и дуло навел на Михеева.

— Подумайте еще, пойдете или нет?

Чуваши присмирели. Было очевидно, что он сейчас выстрелит...

Прошла минута в молчании. Авилов не настаивал, не торопился и ждал.

— Ходим! — ответил, наконец, Михеев: воля его была сломлена этой настойчивой и жестокой волей вождя.

— Ура! — подхватили башкиры и русские. — Все ходим, все будем воевать!

ГЛАВА XIX.

Ночью на поселке камсолов по Чукочей виске залаяли, взвыли собаки. За несколько месяцев одна промысловая избушка обратилась в настоящий поселок. Здесь были огромные землянки, в которых обитали две команды, Пакина и Мишкина. Алазейцы с несравненным искусством полярных якутов построили широкую юрту. Они привезли с Алазеи хороших собак и бревна на стройку возили с неистощимого холуя.

Залаляли собаки. Чуткие собаки лучше человека сторожили камсольский поселок.

— Кто живой? — крикнул сторожевой в темноте. И голос ответил: — Гуляев, Федот.

Это был старший сын камсольского друга и передатчика. Он перебежал на лыжах сто верст с новыми нестями о карателях.

— Тяга заказывает, — сказал он Викеше, — идет на вас войско несметное. Их ружья гуще леса. От скрипа их нарт не слышно собачьего голоса.

Это было обычное былинное преувеличение. Но вывод был один: уходите подальше на тундру, не то перебьют вас.

— А куда мы уйдем? — сказал Викеша, повторяя почти буквально фразу своего отца на военном вече. — Василию скажи: уж я не уйду. Я к вам лучше приду.

— Твоя воля! — согласился мальчик. — А когда придешь?

— Сейчас, с тобой пойду, — объявил Викеша.

Аленка давно пробудилась и быстро собирала угощение гонцу. Вздвинула камин, поставила чайник, сходила за мороженой рыбой, но услышав заявление милого, бросила домашние дела и стала переобуваться. Крепкие обутки натянула из белой дубленой лосины, шаровары из черного пыжика, — полная дорожная форма.

— Ты куда? — спросил с опасением Викеша.

Аленка молчала с упрямым лицом.

— Останься! — сурово сказал ей Викеша.

Аленка молчала и словно надувалась изнутри какой-то безгласной бурей.

— Пойду, пойду! — наконец закричала она и загопала ногами и брызнула горячими слезами и буйными речами. — Знаю, что задумал, непутевый. А если убьют тебя? Пойду, пусть и меня убивают вместе.

Она подсказывала, словно поднимаемая вверх своей неукротимой страстью, прыгала перед Викешей и сучила ему прямо в лицо красные свои кулачки.

Викеша охватил и привлек к себе это пылающее лицо и извивающееся тело.

— Аленка, уймись! Пойдем из избы. Пускай тебя ветром обдует.

Он вывел затихшую Аленку из избушки в морозную тьму. Слышно было, как дверь скрипнула и упала. Через малое время они уже вернулись. Неизвестно, какими словами Викеша убедил свою неутешную подругу, но теперь он подвел ее к столу и посадил на прежнее место.

— Она остается! — объявил он.

Аленка ничего не сказала, даже не повернула головы к говорившему.

— Команду передаю максолу Николаю Берестяному.

Викеша камсол вскинул на плечо серебрянку и набросил на шею плетеный аркан.

— Благословляйте, — сказал он по колымскому обычаю и низко поклонился товарищам. Но Аленка сидела с упрямым лицом и глаз не повернула в сторону Викешы Казаченка.

Сто двадцать верст пробежал Викентий с гонцом, а на утро прибежали на заимку Черноусову. Редущая ночь под утро озарилась ущербной луной.

— Видишь? — шепнул мальчишка гонец.

У высокой избы старосты стояли две дорожные палатки. Оттуда доносился густой солдатский храп. Авилов с офицерами, должно быть, поместился в избе.

— Вон брыкалка! — указал взглядом Федот. — Железная собачка.

И Викеша увидел на нарте железное тело и злой хоботок механической собаки, кожаную попонку и привязь из коровьего ремня.

Перед самым пулеметом стоял часовой с ружьем у ноги. Штык поднимался над его головой. И в сиянии луны фигура часового была облита светом, как маслом. И штык был как игла, вонзенная в лунное сияние.

В душе молодого камсола вспыхнула древняя страсть, которая роднит человека с тиграми и львами.

Федот посмотрел на Викешу и сразу испугался: — Куда ты, куда?

Но Викеша стряхнул нетерпеливо его цепкую, хватающую руку. Сняв с шеи аркан, он пополз вперед, низко пригибаясь к земле, словно расстилаясь и теряясь в сумрачном лунном сиянии. Был он, как тонкая тень, отброшенная облаком, скользящим в вышине над предассветной землей. И так же быстро, как облако, он подобрался к человеку и безошибочной рукою бросил аркан, захлестнул безжалостной удавкой голову вместе со штыком. Человек и ружье покатились на землю. Штык на мгновение задержал удавку. Часовой издал короткий хриплый вой, но Викеша дернул с огромной силой вторично и штык отскочил и дыхание башкирского солдата пресеклось под жестким арканом. Быстро перебирая руками по аркану, Викеша подбежал, нагнулся и ткнул в горло полуживотной жертвы свой длинный узкий нож. Это в первый раз он убивал человека арканом и ножом.

Не останавливаясь и не глядя на поверженную жертву, Викеша подскочил к главному врагу — пулемету, и тем же кровавым ножом быстро распорол его кожаный плащ. Блеснула полированная сталь, но зарезать пулемет было труднее, чем человека. Викеша понимал, что надо испортить затвор и сунул свой нож в боковое отверстие. Но мягкое колымское железо скоробилось об твердое тело орудия. Не долго думая, Викеша схватил попавший под руку обломок дерева и ударил по ножу. Нарта покачнулась и вдруг на всю Черноусову раздался дребежжащий, пронзительный звон.

Сказочные струны звенели и не хотели умолкнуть. Дверь избы отворилась и на пороге появился человек, высокий и даже огромный. Бежать бы Викеше, да ноги

не слушаются. Он чувствует каждой жилкой своей, что это полковник Авилов, тот самый неизвестный загадочный отец, ненавистный и желанный. Затем чтобы увидеть отца, хотя бы издали, глазами ненавидящими, юный Викеша в сущности пошел на эту опасную разведку.

Упущена минута. Теперь не убежать. Вся Черноусова в тревоге. С разных сторон выбегают солдаты с ружьями, жители с копьями. Викеша не шевелится. Стоит, как околдованный. В лунном сиянии он видит отца и отец видит своего непокорного, неизвестного сына.

Солдаты вскидывают ружья.

— Отставить! — раздается решительный окрик Авилова. — Не стреляйте, живого возьму!

И ткнул в горло полузадушенной жертвы свой длинный узкий нож.

Он подходит к Викеше и кладет ему на плечо свою тяжелую руку и слышит под жесткой ладонью, как содрогается все тело молодого камсола.

— Ты мой! — говорит он полувопросительно, но властно.

— Ну, твой! — неохотно отвечает Викеша.

— Ну, так идем!

Викеша снимает с плеча серебрянку и с треском разбивает ее об дорожные камни, чуть запущенные смягчающим снегом.

— На, жри!

Точеное ложе раскололось, но ствол, переживший столетие, даже не погнулся. Сталь его не хуже пулемета.

ГЛАВА XX.

В горницу привел полковник Авилов своего сына Викешу. Солдаты повалили за ними беспорядочной толпой, но он всех их выгнал. Даже княгине Варваре, сгоравшей от любопытства, он посоветовал мягко и решительно отправиться домой.

Прогнав посторонних, Авилов усадил своего сына за стол, поставил перед ним холодную рыбу и хлеб, налил из чайника в кружку холодного крепкого чая.

— Пей, ешь! — сказал он коротко.

И Викеша с удивлением припомнил, что вторые сутки он ничего не ел, и стал разрывать и размалывать вареную нельму своими молодыми, белыми и волчьими зубами.

— Выпьем! — вдруг предложил Авилов мирным тоном и налил две чарки.

Викеша поднял голову и глаза его зажглись.

— Выпьем за маму мою, которую ты бросил, и которая потом погнула на этой Колыме.

Однако они выпили. Авилов не отрывающимся взглядом рассматривал своего сына.

— Так вот ты какой?

— Да, такой.

— Как рос ты?

— Рос на задворках, ходил в опорках! — отозвался Викеша колымскою складкой. Складка — это бытовое присловие, составленное в рифму.

Викеша тоже рассматривал отца. Так вот о ком он думал еще с малолетства, с того времени, как маку за собой волочил ¹⁾. Правда, красавец, осилок, как мать говорила, другого такого нету и, как видно, ученый, от ученого корени, а что с него проку? Насильников привел, грабит, убивает, зачем?

Глухой гнев поднимался в сердце юноши. «Зачем привли? Шатались бы там у себя, убивали друг друга. Вот я его спрошу». — сказал он себе.

Колымчане, как все первобытные люди, в разговоре смущения не знают. Что в уме, то и на языке.

— Викентий, — начал он, но тут же запнулся. — Не знаю, по батюшке, как?

— По батюшке Иваныч! — ответил Авилов спокойно. — А можешь и батюшкой звать.

— Не выйдет с непривычки, — отозвался Викеша с кривой усмешкой.

— Скажите, Викентий Иваныч, полковник Авилов, зачем вы людей убиваете?

Авилов оживился, в спокойных глазах мелькнула как будто зарница.

— Ты охотник, да? — спросил он в упор. — Вы все тут охотники.

Викеша кивнул головой.

— Так вот же и вы убиваете весь год, зимою и летом, зверя, и птицу, и рыбу, питаетесь убийством.

Викеша слушал его внимательно, но как прежде враждебно.

— Чего прировнял! — сказал он холодно. — Нам так дано.

— Кем дано?

— Кем не дано, а дано.

¹⁾ Мака — клапан детского платья, сш того вместе для тепла, — курточка, штанишки и сап жки. Вместо того, чтоб разд вать ребенка для нужды, развязывают маку. Впрочем, она и сама развязывается и волочится сзади. «Волочить маку» равняется нашему — «ходить с флагом сзади».

Слова его дышали уверенностью человека, защищающего свое существование, источник своей жизни. Северный охотник не станет никогда вегетарианцем. Викеша готов был вскочить и крикнуть свой клич, охотничий и вместе комсомольский: — Даешь птицу! — как было на озере Седло.

— Кем дано?.. а хоть сами себе дали!..

Авилов усмехнулся презрительно.

— Эк зацепило тебя. Уж правда, что сами себе дали. Дали себе право убивать и зверей и людей. Звери убивают для еды, а люди для убийства.

— Пока вы не пришли, — сказал Викеша четко, — мы тут людей не убивали.

— Напрасно, — отозвался Авилов. — Надо людей убивать, только и спасения.

Викеша посмотрел на отца с удивлением, не шутит ли он.

— Мы не хотим, чтобы нас перебили, — сказал он настойчиво.

— А не все вам равно? — отозвался Авилов насмешливо. — Все равно когданибудь умрете.

— Нет, все это не правда — горячо заговорил Викеша. — Людей надо не бить, а учить, убийством не научишь.

В нем говорил инстинкт возрастающей жизни, живущий во всяком человеке, на юге и на севере.

— А вы бы ушли! — предложил неожиданно Викеша.

Они посмотрели друг другу в глаза.

— Куда мы уйдем? — Авилов мотнул головой. — Нет, мы не уйдем.

— Так мы вас прогоним.

— Куда? Некуда.

— Отсюда прогоним. Идите, откуда пришли.

Один спрашивал «куда», другой отвечал «откуда».

Они сошлись близко и смотрели друг другу в лицо. Были оба такие высокие, такие похожие, и больше им нечего было сказать друг другу. Они договорились до конца. Авилов пришел убивать, а Викеша был призван сперва защищаться, а потом строить жизнь. В этом малолюдном краю убивать было некого, каждый убитый работник, был как пробел в небольшом человеческом стаде. Северный оленевод питается от стада, но когда стадо на ущербе, он старается размножить его и каждого оленя ценит как клад, как святыню.

— Поймай! — Авилов провел рукой по лицу. — А сюда ты зачем пришел? Убить меня хотел?

— Не тебя, пулемет.

— А, вижу. Снял часового, собирался испортить пулемет.

— Убить твой пулемет! — повторил Викеша. Для него пулемет был как живое существо, страшнее Авилова. Убить пулемет — и крышка!

— А мы другой привезем! — пообещал Авилов. — Ну что мне с тобой сделать?

Викеша выпрямился.

— Ты меня родил, ничему не учил, теперь убей.

Авилов взял сына за руку и отвел его рядом в комору, боковую пристройку, одновременно лавку и склад. В коморе были навалены связки мехов.

— Здесь ночуй! — сказал Авилов Викеше. — А этим дерьмом обернешься от мороза, — указал он презрительно на пачки лисиц и песцов. — Этому учить тебя нечему, этому сам научился. А завтра увидишь, что делать.

Авилов захлопнул тяжелую дверь, заложил ее крепким брусом, пропущенным в скобы снаружи, и вернулся к столу, но не сел, зашагал по избе. В избе мало было места. Он надел парку и трех и вышел на

улицу, обошел весь поселок, проверил часовых. Их было двое, один у пулемета, а другой у дороги, ведущей на Похотское Устье. Потом спустился на реку. Ему надо было уйти от двух этих слов: «куда», «некуда». Но он не мог уйти от судьбы, убежать от собственного духа. И в конце концов Авилов поднялся на берег и вернулся обратно в избу. Здесь под столом стояли два боченка, обшитые крепкою кожей, и полные ценною влагой. Авилов забрал их с собой из Среднего на всякий случай: без спирта в Сибири не ездят даже ученые экспедиции.

Такие деликатные вещи Авилов держал при себе, во избежание недоразумений. Но на этот раз он сам создал «недоразумение», ибо он вытащил винную бутылку и доверху нацедил свою неизменную дорожную баклажку. В разгаре боевого похода Авилов, оставивший зеленого змея в Середнем, снова полез за утешением в заветную баклажку. В этом было дурное предвещание, как для самого полковника Авилова, так и для всего белого похода.

ГЛАВА XXI.

Викентию Авилову второму было нечего выпить, а о сне он не думал ничуть. Он только уселся поудобнее на пачках лисиц и стал соображать: «Попался, как дурак. С пулеметом ничего не успел, с разведкой не успел. Правда, увидел отца и насытил свой давний сердечный голод, насытил до отказа и, должно быть, навеки. Его разговор с отцом стоил наилучшей разведки. Но что теперь будет с максолами? со всеми партизанами?

Митьку то убили, а меня?..»

Он соображал, что даже и отцу не придется держать его в плену. И что теперь отец или мать или дети? Лучше бы не дожидаться, на отца не надеяться, а ходу!.. Попробовать разве сейчас?

Он встал и при свете жирника внимательно осмотрел помещение. Наружного входа в камору не было, а внутренний открывался прямо из горницы Авилова. Окон не было. Под пол не подроешься. Мерзлая под полом земля. Крышу не прорежешь. Крыша засыпана сверху землей, помазана глиной. И глина затвердела и скрипела на морозе, как чугун. А помимо всего кругом эти солдаты. Только покажись у стены или на крыше, тотчас же и пристрелят.

Оставалось одно — внутренняя дверь в помещение Авилова. Что такое колымская дверь? Она сбита из прочных досок и обшита пушистою шкурой. Это защита от холода, но в защиту от взломов она дает мало.

Викеша ходил перед дверью, как запертый кот, и вдруг услышал из горницы приглушенный звук, вроде храпа. Оленья шкура плохо пропускает звуки. Но храп повторился громче. Это был, очевидно, отец.

Викеша вынул нож, которого у него не отобрали, и стал осторожно вырезывать надолбы прочь. Нож у него был крепкий, весельчанского дела, ковки Митрофана Куропашки.

Нижнюю надолбу Викеша расколол и вынул кусками. Шест отошел: Действуя им, как рычагом, он свернул с места и верхнее гнездо. Потом понемногу, ссторожно, ему удалось повернуть всю дверь несколько наискось над порогом. Тогда, просунув нож, и воткнув его в поперечный брус, он успел рядом размеренных толчков вывести его из скобы.

Управившись с этой особой плотничьей работой, он тихо снял дверь и поставил ее в сторону.

Храп отца раздавался громко, с глубокими всхлипываниями. Освободив свой нож, и крепко сжимая

его в руке, Викентий шагнул в горницу. В горнице было темно, но из коморы сюда проникало немного света, и одного взгляда на стол, на баклагу и кружку было довольно для Викеша. Он усмехнулся презрительно.

— Пей, да дело разумеи, — сказал он, качнув головой. — Ну, добро, этот замер, а отсюда как выберешь?..

И вдруг, неожиданно пришла ему в голову мысль. Авилов спал в дорожной одежде, но на стене висел другой меховой балахон с большим капюшоном и шапка, опущенная бобром.

Они были одинакового роста. Викеша был тоньше Авилова, но под балахоном это будет незаметно. Все же в их осанке было много сходного и голоса их были одинаковы.

— Ну ка, на счастье, — подумал Викеша. Но, прежде, чем снять балахон, шагнул к Авилову, сжимая нож в руке.

Отцовский нож лежал на столе с ножнами и поясом. Нож был финский, простой, очень похожий по форме на северный нож. Викеша с размаху глубоко воткнул свой нож в столешницу, оставляя его, как памятку, вынул из ножен финский нож полковника и втиснул в свои ножны. Ножи, как и люди, были одного размера, и отцовский нож оказался впору сыновним ножам. В углу у стены стояла отцовская винтовка, легонькая, как игрушка, и лежала серебрянка, с расколотым ложем, подобранная на снегу солдатами. Викеша опять поколебался.

Жалко ему было оставить серебрянку, материно благословенное ружье российскому обидчику.

— Нечего делать, владай! — вымолвил Викеша. Бросил серебрянку, а отцовское ружье надел через плечо на отцовский балахон.

Викеша прошел неспеша мимо того же пулемета, и даже окликнул часового северным кличем «береги». Никто его не тронул. Выскочила только приبلудная собака и с лаем бросилась ему под ноги. Колымские собаки, подражая хозяевам, крепко не любили карателей. Викешина кухлянка-балахон пахла, конечно, карателем Авиловым.

Викеша пнул собаку ногой и выругался.

— Цыц, проклятая! — сочувственно цыкнул на собаку часовой. Ибо и движение и голос Викеша были как две капли похожи на отца. Именно так случилось и Авилову отбрасывать пинком приبلудных и злобных собак.

Викеша прошел сквозь обоз так же точно, как перед тем Авилов, и спустился на реку, вышел на лед и пустился через реку, собираясь подняться по-

выше, и потом повернуть обратно, и минуя Черноусову, вернуться на тундру к Горлам.

ГЛАВА XXII.

Максолы опять улеглись, а Аленка сидела и думала: «Дура я, дура!»

Когда рассвело, она вышла на двор и с каменным лицом стала запрягать свою собственную девичью нарту.

— Куда ты? — спросила подруга Феня Готовая.

Алена почти против воли подняла руку и показала на восток.

— Так ведь Викеша заказывал, чтобы не ездила ты! — сказала Готовая.

— Блюди своего мужика! — крикнула Аленка с голодными злыми глазами. — А моего не замай!

И так не прощаясь с камсолами, не докладываясь начальнику Микше, свиснула Аленка на собак и поехала искать, догонять своего отчаянного друга. И так же, как Викеша, приехала на Черноусову тоже через сутки, рано на свету. Привязала собак на задворках и пошла по привычной тропинке к дому Василия Гуляева и подергала старую дверь за кожаный короткий поводок.

На душе у нее было смутно, но скорее радостно. Все-таки догнала, нашла.

Вышел Василий Гуляев, поглядел и даже отшатнулся.

— Чего ты, дикоплешая, откуда?

И Аленка ответила приказом: — Викешу позови!

Ей почему то казалось, что милый вот тут, в этом привычном, безопасном, укрывающем доме.

Василий замаялся.

— Сейчас позови! — топнула Аленка ногой. — Не спрячете его!

— Уж спрятали Викешу твоего! — проворчал Гуляев. — И тебе тоже будет. Суетесь, куда не след.

Аленка схватилась за сердце, потом перемоглась, и сказала задыхаясь, будто быстро

взбежала на подъем: — Живой?

— С вечера стрелу не слышали! — ответил неохотно Василий. — Живой.

— На кого покидаешь!.. — голоснула Аленка и сразу оборвала. — Постойте, погодите, к полковнице пойду!

Полковница, колымская княгиня, Варвара Алексеевна заехала к старухе Макриде в ее вдовью усадьбу. В разных углах Макридиной усадьбы копошились племянницы, внуки, какие-то сопливые мальчишки с оборванной макой позади.

Не спрашивая никого, Алена смело прошла в переднюю горницу.

— Челом, командирша! — сказала она по колымскому обычаю, касаясь рукою земли.

— Здравствуй, красавица! — ласково сказала Варвара Алексеевна.

Аленкино лицо поражало. Ее огромные глаза горели и дерзостью, и мукой, и бредовым безумием.

— Чья ты, милая? — продолжала Варвара Алексеевна.

Шагнул к Авилову, сжимая нож в руке.

«Чья» означает по колымски вопрос о фамилии.

Но Аленка предпочла понять этот вопрос прямее.

— Викешина жалчиночка! — сказала она громко. — Викеши камсола, твоего, стало быть, пасынка, а мужа твоего родимого сына.

Барвара Алексеевна молчала пораженная.

— Не убивайте его! — страстно молила Аленка. — Все берите, только Викешу отдайте. Мы уйдем далеко, в чукчи, в Амирику, за Черный пролив, владайте Колымскую землю!

Барвара Алексеевна широко усмехнулась.

— Вишь ты, какая горячая! Ну, пойдем выручать твоего кавалера!...

Они проходили по той же обычной тропинке, сквозь обоз, мимо пулемета, близко от часового, стоявшего все также неподвижно.

— Полковника не видел? — спросила мимоходом княгиня часового.

Авилов обычно вставал на заре и до зари, делал обходы постов, разговаривал с часовыми, потом спускался на реку или уходил в ближайший лес.

И на этот раз часовой словоохотливо ответил: — Полковник прошли на свету, изволили спуститься на реку.

Княгиня засмеялась. — Видишь, какая незадача. Ну, все равно, пойдем. Сокол слетел, посмотрим твоего соколенка

Но в избе они нашли не соколенка, а именно старого сокола. Он сидел на лавке с вздерженными перьями и дикими глазами смотрел на снятую дверь и обнаженный нож, дрожавший в столовой доске.

Бывалая певица-девица свистнула по-мужски.

— Вон как! — сказала она. — Это молодой улетел, а старый-то остался...

Она взяла молоток и гвозди и быстро починила сбитые надолбы и дверную пята, потом протолкнула снемешую Аленку в меховую комору и дверь заложила брусом.

Авилов внезапно вскочил.

— Я догоню его! — крикнул он в дикой ярости. — Моих рук не уйдет!

Он выскочил, как буря на двор, дернул нарту, припрег свою дюжину собак и ринулся вниз по косогору. Собаки неслись, как угорелые. Им передавались безумие и ярость господина. Час, другой. Белая тундра широка, мало ли места на тундре! Найти ускользнувшего камсола так же невозможно, как в снежном бурене выпустить белую пушинку и потом уловить ее.

Еще час, два часа... Или Авилов думает налететь на самые Горла и смять одним ударом осиное гнездо злокозненных камсолов.

Пестряк передовой в упряжке, думает тоже. Он оборачивает на бегу свое злое рыло в сторону Авилова и встрахивает головой.

— Пестряк! — бешено вскрикивает полковник.

Оборачиваться на бегу считается нарушением собачьей дисциплины. Авилов с размаху бросает тормозную палку в голову преступному слуге. Острое железо падает на голову собаки и раскалывает череп, как ореховую скорлупу. Пестряк валится, убитый на месте, но упряжка в паническом ужасе несется вперед, увлекая за собой его труп.

Опомнился Авилов. Он остановил собак, выпряг и отбросил Пестряка, повернул назад, вместо двенадцати, на одиннадцати собаках. Теперь он больше не погонял упряжку. Но испуганные смертью вожака собаки летели, расстилаясь по снегу, как птицы. Авилов приехал под вечер и подъехал к своей квартире.

Лицо его было так мрачно, что никто не посмел задать ему вопроса. И даже Барвара Алексеевна, вышедшая ему на встречу, тотчас же убралась к собственной хозяйке Макриде.

Авилов прошел в горницу, зажег свечу и поставил на стол. Ему хотелось есть и пить, он достал с поставца блюдо холодной оленины и налил привычную чарку, на этот раз одну. Подкрепившись, он долго сидел и смотрел на стену, потом отодвинул засов и выпустил Аленку в горницу.

— Хочешь есть? — спросил он отрывисто.

— Э-э, хочу! — сказала Аленка откровенно и спокойной. — Пить тоже хочу, — прибавила она. — Вина не наливай, жгота ¹⁾ с него. Дай простой воды.

И когда она попила и поела, Авилов спросил ее теми же словами, что давеча Барвара Алексеевна:

— Теперь говори, чья ты?

— Невестка твоя, — ответила Аленка с задором. — Молодчика Викеши любимая кровинка.

Авилов даже вздрогнул. В душе шевельнулась забытая стертая память. Щербатая Дука... Это было другое лицо, другая фигура. Но женщина была такая же «жалчинка» и «кровинка», плоть от плоти и кровь от крови любимого дружка.

— А ведь Викеша то ушел, — сказала Аленка ликующим тоном, — Али ты сам отпустил?

Авилов ничего не ответил. Он и сам не знал, что бы он сделал со своим сыном: убил бы, отпустил бы... Но юный камсол ответил на вопрос, не дожидаясь решения папаша.

— Батюшка свекор, спасибо! — воскликнула Аленка. Она ухватила огромную, жесткую руку Авилова и приникла к ней своими мягкими губами.

Авилов молчал.

— А теперь и меня отпусти!

— Глазыньки то я проглядела, Викешеньку искавши! — завывала Аленка. — Викеша, братеночек!

Авилов поднял голову и посмотрел на нее странным взглядом, смутным, и будто голодным.

«Братеночек, Викеша». Таким точно словом его называла когда-то Ружейная Дука. Раньше Авилов о женщинах не думал. Но теперь его грызла голодная зависть, голодная ревность. Настоящий Викеша братеночек родился от его плоти и отошел от него. И молодчиком Викешей полковник Авилов уж больше не будет никогда.

— Пусти меня! — умоляюще шепнула Аленка. И видя, что Авилов молчит, подскочила и закинула ему руки на шею и прижалась к лицу его своей нежной румяной щекой.

Авилов стиснул ее и поднял вверх, как перышко.

— Пусти! — крикнула Аленка уже по другому. Но голос ее потерялся в человеческом капкане, сдавившем ей шею и грудь.

Рано по утру Барвара Алексеевна поднялась на крылечко к Авилову. Подождала, постучала, но никто не ответил. Тогда она дернула за кожаную скобку. Дверь оказалась незапертой, и колымская княгиня вошла к своему князю.

Авилов сидел, опираясь руками на стол. Он поднял ей навстречу равнодушные глаза. Аленка сидела не в коморке, а тут же на полу, скорчившись, как побитая собака.

— Убери ее прочь! — указал он глазами на Аленку.

(Продолжение следует).

¹⁾ Жгота — изжога.

Рассказ Р. Леммоха.

Рисунки Т. Фитингофа.

— Письма, господин!

Загорелая рука протянулась в щель брезентовой палатки и быстро схватила толстый конверт, покрытый американскими марками.

Джон Матер отложил в сторону силки сложной системы, которые он приготовил для охоты, и жадно набросился на странички, исписанные родными почерками о родных новостях, эту величайшую радость в тех, почти недостижимых, горных джунглях, где уже несколько месяцев был раскинут его лагерь. Листки бумаги лежали перед ним на деревянном ящике, служившем рабочим столом, среди птичьих внутренностей и инструментов для набивки чучел.

— Дьявол!..—пробормотал Матер, при чтении последнего письма.

Почти полное одиночество, в обществе двух краснокожих, в течение многих месяцев, приучило его говорить часто вслух с самим собою. И теперь он перечитывал вслух письмо ученого секретаря Этномологического Отдела Нью-Йоркской Академии:

— «Отдел энтомологии очень заинтересован в получении нескольких экземпляров Квадангских пауков для завершения коллекции Высоких Анд. Международный музей в Чикаго предлагает в обмен на несколько этих редчайших экземпляров очень ценную коллекцию крылатых с Гватемалы, которыми бедна, как вы знаете, наша секция. Пауки эти гнездятся в глубоких расселинах вулканических пород, еще достаточно нагретых, именно в Чухапата, между 9 и 12 тыс. миль высоты, приблизительно. Это все, к сожалению, что мы можем указать отсюда, так как они почти неуловимы до сих пор. Известно, что они настолько велики, что их принимают за маленьких птиц, и что они мясоеды-хищники. Постарайтесь, если нападете на след, проследить их привычки и нравы в гнездах».

Дальше шли сожаления о том, что приходится этим поручением удлинить срок и без того затянувшейся тяжелой экспедиции Матера. Но серьезность поручения не терпела отлагательств. Матер сердито скопал листок с такой гримасой, как если бы перед ним стоял сам Ученый секретарь и опять занялся отделением шкурки с перьями от мяса и костей.

— Педро! — обратился он к индейцу, приготовлявшего кушанье неподалеку от него, стоя на коленях. — Ты хорошо знаешь Чукипату?

Индеец замотал головой.

— Дикая земля, господин, нехорошая земля! Вы не пойдете туда, господин?

Матер натер снятую кожу изнутри смесью селитры с мышьем и вывернул ее наизнанку.

— Педро, мы через три дня подыдемся на Чукипату! — ответил он индейцу, набивая ватой птичью кожу. — Завтра ты пойдешь на деревню за четырьмя носильщиками, если не достанешь мулов.

Скрепив проволокой лапки, и прикрепив ярлычок к зелено-желтой пернатой фигурке, Матер с величайшей осторожностью, как если бы в руках его был тончайший фарфор, обернул крохотную птичку в пропитанную особым сущищем составом бумагу и уложил в одну из клеточек ящика рядом с другими подобными же мумийками.

— Ну-с, это восьмисотая на этой высоте. Не дурно... А теперь займемся этими проклятыми пауками на Чукипате.

Между западными и восточными отрогами Кордильерской цепи, на высоте двух вертикальных миль над океаном, лежит безводное иссушенное плоскогорье, в глубинах которого сотни тысячелетий кипела земля. Сплошь из

вулканических напластаний ущелья, долины и возвышения, все необитаемые, высохшие, почти недоступные человеческим существам. Сюда, скользя по лаве и песку, поднялся Матер со своими спутниками под самые, казалось, небеса. Только парившие над их головами кондоры смотрели на ползущих, как муравьи, по земле человеческие фигуры. На небольшой плоскости, отгороженной от бушевавших в этих высотах ураганных ветров, с трех сторон серыми голыми скалами устроился маленький лагерь. Сухой, безлистный кустарник гарантировал им скудное топливо на короткий срок, а у самой палатки горный поток, холодный и прозрачный, как лед, оживлял серопепельную пустыню, вздымавшуюся со всех сторон амфитеатром острых вершин и терявшуюся в клубах дымных туч.

Разгрузившись, Матер отпустил в деревню людей и мулов, так как совершенно невозможно было предвидеть, сколько времени продлятся розыски таинственных пауков, а кормить на этой обеспокоенной высоте людей и животных было нечем. После первого же беглого обозрения будущего поля изысканий, у Матера получилось такое безотрадное впечатление, как у человека, которому поручено в скирде сена найти иголку. Как опытный исследователь, он принялся изучать пядь за пядью возможные скрытые убежища для пауков, осматривал каждый куст, каждый бугорок окаменевшей лавы, каждую щель в камнях и земле, на пространстве между девятой и двенадцатой милей высоты, как было указано в письме. Несколько дней он возвращался с пустыми руками, если не считать пару диких голубей на ужин или один-другой экземпляр невиданной птицы. Ни Педро, отлично знавший эту землю, ни их проводники, индейцы племени Квинча, ничего не знали об этих пауках. Очевидно, они никогда не показывались на поверхности.

— Если бы я имел хотя малейшее представление об их нравах... Но я не знаю даже, где они прячутся днем и куда поползают на ночь. Пожалуй, надо спуститься ниже и южнее! — сказал он себе после утра бесплодных скитаний.

Позавтракав у ручья черным хлебом и свежей водой, Матер спустился в несколько часов на такую глубину, что очутился на цветущем мягком зеленом ковре между высоким голубым сводом над головой и бездонной пропастью под ногами. Головокружительно крутой спуск имелся лишь на краю одного утеса по довольно широкой тропинке, покрытой густой порослью бамбуковых ветвей, образовавших как бы плетеную циновку на камнях. Матер не долго задумался над тем, какой избрать путь: взобраться наверх по осыпавшейся под ним сухой лаве было немыслимо. Интерес искателя толкал его вниз, хотя камышевая тропа представлялась весьма сомнительной.

— Что за чорт?! У меня точно не хватает духа стать на этот бамбуковый трап. Пожалуй, такого, как я, он выдержит. Во всяком случае, другого выхода нету, да и останавливаться на полпути не приходится. Ну, Джон, шагай!

Он перекинул ружье на спину, чтобы освободить обе руки, и стал скользить вниз. Спуск был тяжелый из-за удушливых серных испарений, пробивавшихся сквозь бамбук. То давал себя знать потухший вулкан. Нужно было большое напряжение воли, чтобы преодолеть начинавшееся головокружение. Около двух часов тянулся этот мучительный спуск, и солнце начало уже садиться за гряды бесчисленных вершин, когда Матер достиг сравнительно ровного уступа. Здесь тростник казался особенно толстым и крепким, и Матер стал на него обеими ногами, чтобы

перевести дух и расправить спину. И в ту же минуту, подстилка затрещала под ним рвущимся резким скрипом, и он провалился в темную душную пропасть. В глазах потемнело, и он потерял сознание. Должно быть, прошло часа два, пока он пришел в себя, так как очнулся весь окоченелый, и кровь, вытекая из широкой ссадины на кисти, успела засохнуть. В голове стучало, и Матер был только в состоянии, приоткрыв глаза, разглядеть конической формы колодец, суживающийся кверху к узкому отверстию, в которое он провалился. Покатые стены колодца, частью скалистые, частью земляные, были затянуты, как сеткой, камышами, с утолщенными кверху корнями.

— Тысяча чертей! И куда это меня угораздило. Надо засветло выбираться...

Преодолевая головокружение, Матер стал на колени, а затем и поднялся.

— Ну-с, осмотримся для начала!

Дважды обошел он колодец, держась за стену, спотыкаясь о кучи обломков и задыхаясь от обволакивавшего его со всех сторон отвратительного запаха. Руки его нащупывали стену, ища какой-либо точки опоры, которая дала бы возможность поставить ногу, чтобы подняться на мускулах, но ничего не находили, кроме трухлявых тонких тростинок, рассыпавшихся под пальцами от одного прикосновения.

— Идиотство! Никак не выползти, все равно, что по гладкому потолку! Надо разобраться: я спустился с горы с западной стороны, приблизительно футов на сорок от последнего уступа. Эта яма не дальше от западного склона, чем на пять футов. Придется пробиваться туда.

Мысль о том, что он может прорыть туннель к склону горы подкрепила его силы, и он достал из футляра привешенный к поясу большой охотничий индейский нож.

— Да, но как же мне здесь найти запад? — Тень набежала на его лицо, когда, вынув из кармана куртки компас, он увидел, что при падении стрелка сорвалась и спасительный инструмент превратился в бесплодную игрушку.

Голубое небо и свежий воздух требовали от него двух-трех часов рытья, но с другой стороны, если он взвешивает неправильное направление, то зароется только дальше в толщу горы.

— Ничего не поделаешь, вместо компаса придется обратиться к случаю. Авось он не откажет в любезной помощи...

Он ткнул наугад в наиболее податливое в стене место, и рыл не мене часа, пока нож не уперся в каменную скалу и отказался идти дальше. Также малообещающая была вторая попытка на противоположной стороне. Измученный до потери сознания, с окровавленными руками, он прислонился к стене своей тюрьмы, в смертельной усталости закрыв глаза. И в ту же минуту очнулся от своей полудремоты: все громче становилось какое-то нарастающее вокруг него жужжание, которое он принял, было, за шум в голове, и которое напоминало шуршание ползущей в траве змеи. Широко раскрыв глаза, Матер старался локализовать в темноте этот жужжащий шелест. Мохнатое, лапчатое существо свалилось ему на затылок, и не успел он схватить его рукой, как оказался в туче гигантских пауков, с туловищем, толщиной в маленького воробья, с толстыми мохнатыми паучьими лапами черно-сизого цвета; они надвигались на него со всех стен сплошной, жужжащей, колышущейся волной. Матер в одно мгновение сообразил, что он попал в одно из ночных убежищ тех самых редкостных пауков, за которыми гонялся в течение нескольких дней на поверхности. Днем они держались в плотном бамбуковом трапе, по которому он скатился сюда, как в паутине, а ночью, спасаясь от тропических ливней, сползали в пещеру, заполняя в ней все стены, все извивы камыша сверху донизу. И он стоял среди этого шевелящегося, шуршащего колодца в холодном поту.

— Чорт! Их хватит тут на все академии мира, если только они не полакомятся мною! — мелькнуло у него в голове, а затем надвинулся черный кошмар на несколько жутких часов, которыми, казалось, не будет конца.

До того, как серый рассвет просочился сквозь узкую верхнюю щель, наполовину затянутую бамбуком, Матер неустанно, не переставая ни на минуту, размахивал ногами, руками, ножом, шляпой, и отбивался от наседавших на него со всех сторон черных, мохнатых, жужжащих паучьих тел, отрывал от своей кожи колючие укусы, задыхался в усажающем запахе гниющей падали, прилипшей за день к мохнатым лапам хищников. Бессознательный спасительный инстинкт держал его одеревенелые ноги прямо, и не давал ему свалиться от истощения и отвращения на шевелящиеся под ногами черные кучи. С первыми, проникшими в яму, лучами, кишащая, жужжащая масса живой

лестницей поползла по камышам вверх и исчезла в солнечном луче.

Матер, как свинцовый, опустился на землю, свесив бессильно голову на грудь и упершись израненными, искусанными руками в землю. Около полудня, судя по солнцу, он очнулся от забытья и подкрепился сохранившимся в его сумке куском черного хлеба и парой глотков теплой воды. Вскочил бодро на ноги.

— Ну скорее за работу, до ночи! А то я не выдержу и сойду с ума на радость паукам!

Он взглянул наверх, надеясь, как-нибудь по теньям облаков отыскать нужный ему запад, но небо было закрыто темными низкими тучами, как перед грозой.

— Ничего не поделаешь, надо рыть опять наудачу! — успокоил себя Матер. Педро никогда не придет в голову искать меня в этой стороне, тем более, что я сам забрел сюда неожиданно.

Он прорыл уже порядочный туннель в противоположном направлении, как на него повеяло вдруг горячим сернистым воздухом, как из раскаленной печи, и он должен был вытащить почти обожженную руку с ножом. Он понял в ужасе, что потратил бесконечно ценное время на то, чтобы прорыть несколько футов в направлении того адского подвала, наполненного пышущей жаром лавой и песком потухшего кратера, который тянется в глубине Анд от мыса Горна до Панамского перешейка.

Хотя сердце Матера сжалось от мысли о наступающей ночи, но в то же время он понял, что теперь нашел верное направление: если эта сторона вела к перешейку, то смежная с ней должна была вывести его на волю, к западному, наружному склону.

— Ну-ка, дружище Матер, не спи! Живо за работу, пока не пришли дьявольские хозяева этой гостиницы!

Лежа на животе в прорытом узком пространстве, он стал отталкиваться коленями от пышащей жаром стенки, и скоро очутился в прохладной пещере.

Тут опять проклятые спрутообразные паучьи лапы тысячами мириадами пар надели на его тело и проглотили его, как вода в море, подымаясь по его сапогам все выше и смелее к глазам, рту, задевая его всего с жужжащим шорохом, от которого у Матера подымались волосы на голове и помрачалось сознание. Чудовищные ночные часы, когда он уже полусознательно, в кошмарном бреду вертелся живым волчком, весь покрытый зверскими гигантами.

Как крылья мельницы, мелькали шляпа, руки, нож, и в этом адском вихре слились в одну кучу человек и паук на дне черной кошмарной ямы. Чтобы не свалиться на землю и не погнубить бесповоротно, Матер с нечеловеческим усилием воли все время думал о том, что скоро наступит рассвет, и что он знает теперь, где выход из ямы. И рассвет пришел. Живая кишащая лестница поднялась наверх, а измученный, полубезумный человек упал на землю. Невероятное напряжение его воли в эти часы спасло его от безумия и смерти.

— Ну, теперь скорее рыть! прошуршал в его ушах собственный неузнаваемый голос. Не чувствуя усталости, он с дикой быстротой набросился на нужную стену.

— Надо успеть до вечера, надо успеть до вечера! — повторял он беспрестанно. — Надо успеть — иначе — безумие!.. Матер, держись!

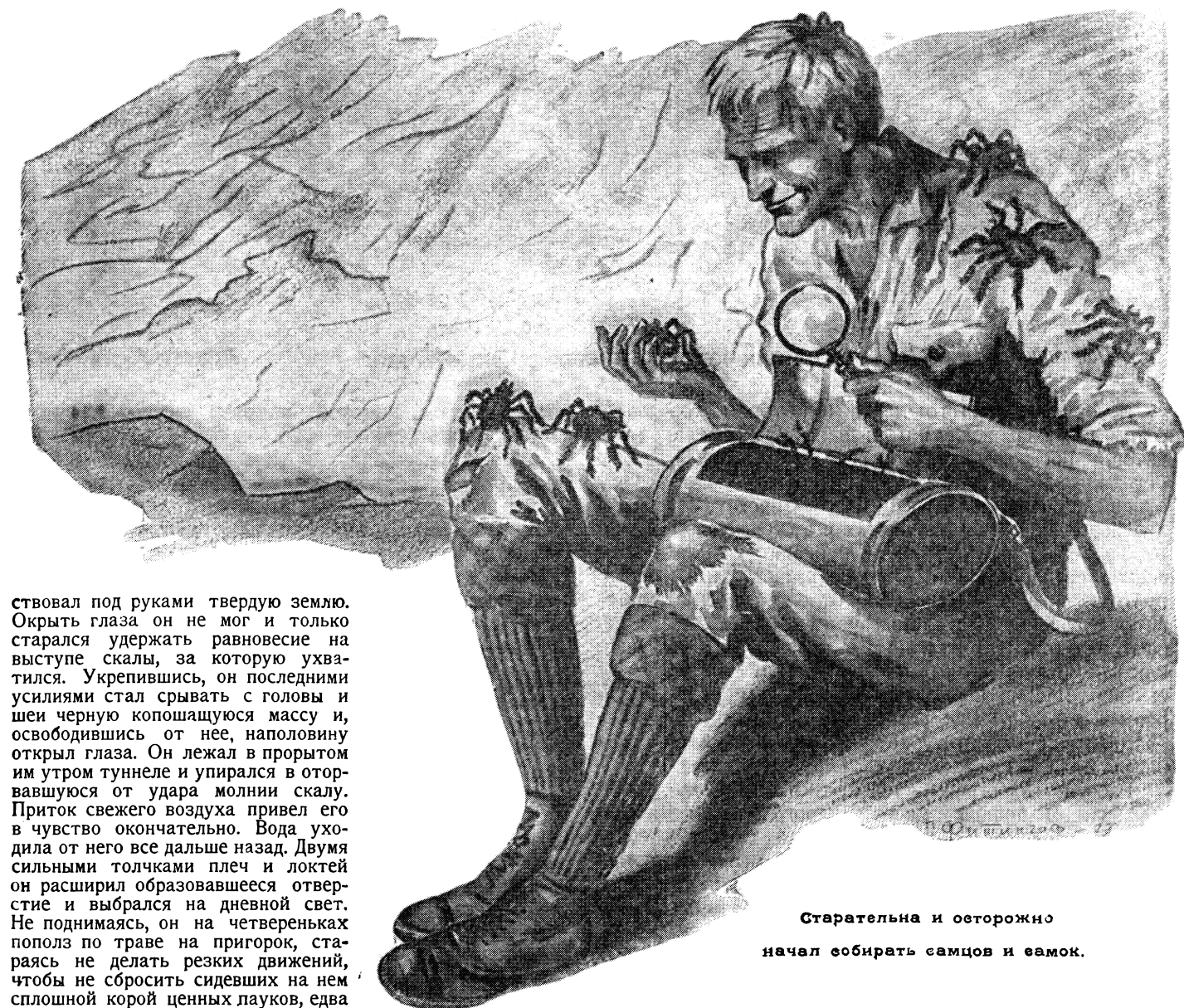
Там, за землею и камнями, которые он разрушал фут за футом, было избавление, был свет и воздух, и не было пауков. Когда около полудня он выполз в пещеру, чтобы распрямить затекшие члены, ему показалось, что уже настала ночь. Он поднял голову и увидел, что черное небо, как мохнатая шапка, надвинулось над расселиной: через мгновение, что-то засверкало, загремело, и потоки воды полились в пещеру. Стало совсем темно от черной пелены, заставшей отверстие: это вливалась черная волна пауков вместе с ливнем. Матер не успел прийти в себя, как вода покрыла его ступни и быстро стала вздыматься все выше и выше; скоро он стоял по талию в хлюпающем вокруг водопаде. С водой подымались и тучи пауков, которые ссвершено бесстрашно, в инстинкте борьбы за жизнь, покрыли сухие еще части живого человека. Вода поднялась ему уже до груди, и вся голова его была покрыта густым панцирем в несколько слоев почти нешевелящихся, мохнатых тел. Тогда задыхающийся, обезумевший человек нырнул в воду, бившуюся вокруг него, и поплыл. Он задыхался под живым водолазным шлемом, над водой двигалась бесформенная черная масса, и только рефлекторные мускульные движения умеющего плавать тела двигали его в направлении прорытой ямы в стене. Но движения становились все тише и слабее, и чудовищная масса над водой стала медленно погружаться в хлеставшую

вокруг воду. Матер тонул, чтобы утопить скорее поедавших его лицо пауков.

Прошел, должно быть, целый век, как вдруг грохот, треск падающих камней потряс воздух, и Матер почув-

тельно и осторожно, с медоточностью естествоиспытателя, начал собирать самцов, самок, больших и малых гигантских насекомых, с вниманием и даже лаской.

— Ну и здорово же их много! — покачивал он

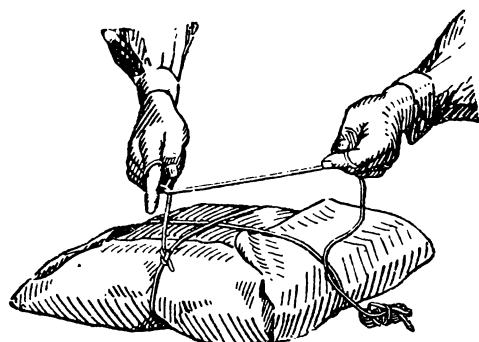
Старательна и осторожно начал собирать самцов и самок.

ствовал под руками твердую землю. Окрыть глаза он не мог и только старался удержать равновесие на выступе скалы, за которую ухватился. Укрепившись, он последними усилиями стал срывать с головы и шеи черную копошащуюся массу и, освободившись от нее, наполовину открыл глаза. Он лежал в прорытом им утром туннеле и упирался в оторвавшуюся от удара молнии скалу. Приток свежего воздуха привел его в чувство окончательно. Вода уходила от него все дальше назад. Двумя сильными толчками плеч и локтей он расширил образовавшееся отверстие и выбрался на дневной свет. Не поднимаясь, он на четвереньках пополз по траве на пригорок, стараясь не делать резких движений, чтобы не сбросить сидевших на нем сплошной корой ценных пауков, едва не стоивших ему жизни.

Гроза прошла. Вокруг было светло и тепло. Он осторожно приподнялся, протирая глаза и точно снимая с них кошмарный ужас двух минувших ночей, а затем стара-

довольно своей искусанной и окровавленной головой. — Тут их не на один Чикагский, а на все музеи мира хватит. Ну-ка, приятели, ползайте в сумку, там вам самое место.

КАК НУЖНО ОБРЫВАТЬ БИЧЕВКУ

Часто случается, что, завязав пакет, вы под рукой не имеете ножика или ножниц, чтобы обрезать бичевку. В большинстве случаев, вы пробуете тогда оборвать ее, но напрасно: она оказывается, обыкновенно, прочнее, чем вы думаете, и больно врезается вам в пальцы.

Наш рисунок показывает, как можно руками оборвать бичевку и в тоже время не причинить себе боли. После того, как вы надлежащим образом обкрутили веревку вокруг пальцев, следует дернуть ее в разные стороны, и она всегда разорвется пополам, не причинив вам никакой боли.

Пограничник.

Приключение в низовьях Аму-Дарьи.

Рисунки М. Пашкевич.

История волнистого тавра, в котором говорится о том, как овцы взяли в плен шайку туркменских Сандитов, предводительствуемых головорезом Яхши-Гельды, известна каждому, кто имел когда-нибудь отношение к службе на Аму-Дарье. Спросите у любого красноармейца на погранпостах и в стрелковых частях от Термеза до Кунграда—и Муйнака. Он вам расскажет ее пространно и с прибавлением самых невероятных подробностей. Мне самому иногда становится трудно отличить правду от вымысла, несмотря на то, что эта история никому так хорошо не известна, как мне. В ту ночь я был единственным свидетелем ее завязки. Я один наблюдал героическую смерть круторогого и помню, как его дрожащий пудовый курдюк обогрился кровью, и туркмен взмахнул ножом, и заблеяли овцы...

Работа гидрографа, признаться, довольно однообразна. Я принял место гидрографа-наблюдателя в глухом и отдаленном углу нашего Союза только оттого, что другие пути были для меня закрыты. Неудачная колотая рана в плечо во время польской войны, когда наши живорезы в околотке отпилили мне руку, сделала меня инвалидом. Горькая и досадная участь для здорового человека. Половинная жизнь, серая и бесполезная, распределенная по графам получек инвалидной книжки. Не нравится мне это. Человеку без работы быть нельзя. Ну, а однорукие, вообще говоря, не из тех персон, кому станут кланяться и приглашать на работу. Поэтому-то мне пришлось себя законопатить в конце концов в эту одинокую палатку, где единственным развлечением служат поездки за 40 верст в Чимбай, откуда раз в неделю мне привозят почту и провизию.

В конечном счете эта жизнь как-раз по мне. Все мои обязанности заключаются в том, чтобы несколько раз в течение дня измерять и записывать при помощи несложных приборов колебания температуры воды, скорость течения, высоту уровня и отход русла Аму-Дарьи. За последнее время в Дарьинской дельте произошло много перемен. Рукав Талдык, где находился мой гидропункт, сильно обмелел и заглох, потеряв выход к морю. Крупная рыба — сомы, сазаны, — ушла, и осталась только разная речная мелкота. В разливах не встретишь больше никого, потому что рыболовы стали ездить в рыбалку на Канд-Узьяк. И бурноводный прежде Талдык стал походить на непроточное озеро.

Все это не мешало, однако, моей работе. В моем распоряжении была багорная лодка, «двухтонновка»,

управляться с которой помогал мне кара-калпак Керим, отличавшийся необычайной молчаливостью и странной способностью исчезать неизвестно куда. В ту ночь Керим уехал в Чимбай по моему поручению. Я остался один среди несравненных песков великой береговой пустыни, население которой составляет полчеловека на сто квадратных верст. Так подсчитали статистики, включившие этот циничный результат во все географические таблицы.

Досадный южный ветер — «злой афган», как зовут его кара-калпаки, — всегда рождает какое-то неопределенное беспокойство, похожее на состояние припадка со смертной тоской и томительной стесненностью в груди. В эти дни жизнь кажется страшной и бесконечной. Тогда остается забиться под плотный брезентовый полог, читать Чехова и пить водку из походных фляжек, насвистывая и мыча мотивы из давно забытых опер. Стиснутый душным полднем день тянется без конца, а когда наступает ночь, с востока вливается тьма, не давая облегчения. Весь колючий жар пустыни, принесенный с бесплодных равнин юга, обрушивается на палатку, раскаляя и без того невыносимый воздух.

В ту ночь я лежал на кровати, измученный головной болью и одиночеством. Помнится даже, я давал зарок при первом удобном случае бежать из этих мест. Наконец, я стал засыпать, прислушиваясь к заливному лаю шакалов и гудению ветра, грозившего снести палатку с кольев. Последней моей мыслью было: «инакалы — к перемене погоды», и я впал в забытие.

Меня разбудил какой-то шум вокруг палатки. Упал брезент, и я очутился прикрытым и спеленутым со всех сторон. Снаружи на меня навалилась какая-то тяжелая туша, чрезвычайно больно наступившая на мое лицо. Я почувствовал, как из-под моей головы выхватили винтовку. Затем туша сползла куда-то вбок, и я, больше удивленный, чем испуганный, принялся выбираться из-под брезента. В ветряной темноте, лишенной звезд и блеска, почти ничего нельзя было разобрать. Рядом со мной, скорее угадывались, чем виднелись несколько высоких, темных фигур, переговаривавшихся между собой по-туркменски. Не могло быть никакого сомнения в том, кто они. Кочевья туркмен лежат гораздо западнее. Они появляются на Талдыке редко, и только для грабежей или сведения счетов с мирными кара-калпакскими родами. Безусловно это были колтоманы (бандиты). При том сопротивляться им я не мог.

Одна из смутно темневших фигур внезапно прыжком оказалась рядом со мной. Кто-то на расстоянии двух шагов от меня высек искру в огниве и зажег перед самым моим носом длинный фитиль. В неверном и дрожащем на ветру свете я увидел страшное, перекошенное лицо туркмена в рыжей, от мгновенного отблеска, папаче.

Он заорал на меня на ломаном киргизском языке, стараясь перекричать шум ветра и рокот Дарьи.

— Эй, ты, водяной шайтан! — кричал он. — Знаешь меня? Я — Яхши-Гельды. Я — сам Яхши-Гельды. Скорей, поторапливайся, выводи лодку. Нам нужно съездить на тот берег. Будешь плохо править, — зарежем, как барана. Одевайся, собачий шайтан!

Что оставалось делать! Так или иначе приходилось повиноваться. Я, торопясь и путаясь, натянул с помощью культипки, заменяющей мне руку, сапоги и побежал к речной воде. Рядом со мной слышалось чье-то сильное дыхание. Бандиты шли за мной. Огонь потух и воцарилась еще большая, чем прежде, тьма.

Я отвязал лодку от причала и сел на корму. За мной последовали все туркмены. Сколько их — трудно было разобрать. Прежде, чем пойти за мной, они повидимому уже были здесь — на воде, ударяясь о борт лодки, хлопала какая-то странная пловучая масса, похожая на большой плот. Незаметно я нагнулся и нащупал рукой шероховатую кожу надутого воздухом бурдюка. Это был иомудский кожаный плот. Туркмены, очевидно, готовились возвращаться назад с добычей.

Я сидел на руле, а туркмены отталкивались от дна баграми. Осторожно мы стали выгребать лодку на середину реки. Было темно и ветрено. Плот, скрипевший и качавшийся за кормой лодки, казался каким-то догоняющим нас чудовищем, от которого мы спасались под свист и улюлюканье Афгана.

Кроме Яхши-Гельды, оказавшегося, случайно или нарочно, рядом со мной, никто не произносил ни слова. Мокрый и полуодетый, налегая на руль, я слышал, как он шептал мне хрипло и насмешливо: «Безрукий шайтан! Для чего держал винтовку? Разве ты можешь стрелять? Дай срок, угоним скот, тогда посмотрим, что с тобой делать. Может быть, даже оставим тебя в живых. Мы гоним с собой в походах стада баранов. Их сторожит джигит. Только он плохой сторож — всегда спит. Теперь поставим сторожем тебя. Как-раз дело для баб и для урусов».

Не могу сказать, чтобы его слова придали мне бодрости. К тому же переправа была на редкость трудная. Я старался, как мог, зная, что если мы не так скоро достигнем другого берега, то бандиты без лишних разговоров убьют меня и выбросят в воду.

Начинало покачивать. Лодка, ныряя, понеслась куда-то вбок, вдоль берега. С тонким фальцетным криком колтоманы налегли на багры, стараясь оттолкнуться к середине. Лодка подалась и всех нас захлестнуло сплошной и липкой волной речной воды. Внезапно стало холодно. Быстро и неуклонно, лодку понесло в черную, плещущую бездну.

Через мгновение мы полетели куда-то вниз, под гул и брызги, напоминавшие крутень водопада. Все легло на дно лодки. Несколько раз плавно и медленно лодку повернуло. Затем, зачерпывая бортом воду, она отлетела, скользя поперек ветра, и закачалась на спокойных водах, очевидно защищенных какой-нибудь косой или выступом берега. Став на колени, я опустил руку в воду. Течения не чувствовалось.

Со злобной бранью туркмены поднялись на ноги. Эти степные люди, привычные к ветрам и бурям пустыни, терялись перед водяной стихией. Поспешно

и враз они налегли на багры, толкая лодку вперед, пока она не заскользила дном по илу.

— Вылезай! — крикнул мне Яхши-Гельды. — Стой! Держи причал!

Он бросил мне веревку, и бандиты один за другим исчезли в ночь. Я не двигался с места, держа в руках причальный крюк. Сторожить меня остался один из бандитов, который сейчас же отошел в сторону и, дрожа от холода, внезапно сменившего вечернюю духоту, стал зарываться в землю, разбрасывая прикладом винтовки мокрый прибрежный песок.

Через полчаса или через час, не знаю, из мрака снова вывернул Яхши-Гельды, и за ним появились его джигиты, гнавшие с собой маленькое стадо овец. Я услышал мелкий топот, шум возни и жалобное, гнусавое мэканье.

Теперь я понял назначение плота и цель переправы. Это был один из мелких набегов, которые колтоманы предпринимали для пополнения стад, заменяющих им в походе фуражный обоз. Такие набеги называются «аламаном». В этом случае дерзость аламана заключалась в том, что возле правобережного кара-калпакского аула, из стад которого, очевидно, были угнаны эти овцы, всего в пяти верстах находится красноармейский пост Учугчи-Язы. Ночью, однако, можно было ничего не бояться. А день должен был застать их далеко, по ту сторону Дарьи.

Овец заарканили и по одной погрузили на плот, осевший под их тяжестью. Началась обратная переправа, бурная и беспокойная, захлестывавшая летучим песком и холодной водой.

На меня больше никто не обращал внимания.

Я делал свое дело кормщика, и мною были довольны. Мы высадились, повидимому, ниже по течению, так как я не мог узнать холма, где находилась моя палатка. Туркмены также плохо ориентировались в темноте. Они решили отодвинуться на несколько верст вглубь от реки, чтобы утром соединиться со своей шайкой. Сделав получасовой переход, мы остановились в ложбине, между песчаных дюн, где ветер был не так силен, и туркмены могли развести из сырых кустов свежий и дымный костер. Набег прошел удачно.

Как всегда, к утру духота исчезла, и в воздухе замерцали серые пятна близкого рассвета. Колтоманы сидели поодаль от костра. В призрачном и странном свете я мог разглядеть их рваные халаты и плосконосые разбойничьи лица. Это было отребье туркменского народа, лишенное его лучших черт, полных скотоводческого удалства и степного благородства.

Джигит приготовил саксаульный вертел. Яхши-Гельды подошел к овцам и выбрал жирного курдючного барана, с крутыми загнутыми рогами. Воткнув нож в горло барана, Яхши-Гельды наклонился к дымящейся кровью туше. В это мгновение произошло повидимому что-то, за чем я не мог уследить. Раздался крик. Я вскочил и увидел Яхши-Гельды, с головы которого упала рыжая папача. Он потрясал ножом с криком: «Волнистая тамга! Волнистая тамга!» Услышав его слова, туркмены, казалось, сошли с ума. Они загалдели и заорали, с громкой бранью ударяя себя в грудь. Молодой джигит, с рубцом поперек щеки, беспорядочно садил из ружья в воздух. Никто не глядел на меня, хотя я был, казалось, единственным нормальным человеком в этой толпе обезумевших бандитов, из которых каждый мог меня в любой момент зарезать. Я отбежал в сторону и быстро пересек гребень противолежавшего песчаного холма.

Передо мной открылся широкий горизонт. В ровном свете раннего восходного неба резко выделялись знакомые горы правого берега. У подошвы гор

лежали полузасыпанные песком низкорослые белостенные бараки, от ворот которых отъезжал конный красноармейский отряд с знакомым комвзводом, Яном Бургисом, во главе. До них было не больше ста сажен.

Только в этот момент я понял, что мы находимся на противоположном берегу. Не там, где должны были быть. Бараки были зданиями красноармейского поста.

Через некоторое время я сидел и пил сладкий чай в комнате начпоста, глядя в окно на пыльный и широкий двор, где лежали связанные бандиты.

— Скажите, — спросил я у Яна Бургиса, — что такое волнистая тамга?

— Волнистая тамга? — ответил он. — А чорт ее знает! Впрочем, они кажется метят волнистым тавром

Волнистая тамга! Волнистая тамга!

В темноте, очевидно, мы повернули обратно, пристав к берегу, от которого отправлялись. Я вспомнил, что течения не было заметно. Итак, туркмены перевозили через Дарью собственных овец, оставленных под охраной одного джигита. Тот в это время спал. Я побежал к посту, а Ян Бургис взмахнул рукой, и бравая братва понеслась через осыпь песчаного намета. Раздались выстрелы, и все было кончено

своих баранов. Иомуды то-есть. Дурачье все-таки! Стоило им пощупать шею одного из баранов, когда они их угоняли. Такой истории никогда-бы не случилось. По тавру бы догадались. Шутка сказать, пригнали своих баранов прямо в пост.

Взошло солнце. Снова начался жаркий день. Ветра не было. Я взял лодку и поехал на свой гидropункт, где белела моя разоренная палатка.

Пограничник.

О Т Р Е Д А К Ц И И

„Вокруг Света“ с января 1928 года будет выходить еженедельно, согласно массовым заявлениям наших читателей в их анкетах.

24 книги приложений, предназначенные для двухнедельного журнала, полностью оставлены и для еженедельного „Вокруг Света“ на 1928 год.

ГЛУБИНА МАРАКОТА ЗАТЕРЯННЫЙ ПОД ОКЕАНОМ МИР

Новый научно-фанатастический роман А. Конан-Дойля.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ.

Знаменитый ученый, профессор Маракот, организовал экспедицию для изучения жизни морских глубин и вместе с двумя помощниками — ассистентом Кембриджа, Цирусом Хэдлей, и механиком Биллем Скэнлан — отплыл из Англии неизвестно куда. Вскоре после этого, в письме, отосланном с Канарских островов, Хэдлей описал, как профессор Маракот удивил своих спутников заявлением, что на борту парохода есть стальная клетка с кристалльными окнами, в которой их опустят на дно океана. За этим письмом последовал почти год молчания и экспедицию считали погибшей, когда вдруг, необычайным образом, были получены новости о профессоре Маракоте. Капитан грузового парохода сообщил о находке плававшего в воде серебристого глобуса или шара, заключавшего в себе дальнейшее известие от Цируса Хэдлей. В нем говорилось, что замысел профессора удался и что клетка с ее тремя обитателями покоится на дне Атлантического океана.

ГЛАВА II.

ДУМАЮ, что некоторое время все мы были охвачены одним и тем же чувством: нам хотелось ничего не делать и не видеть, а просто спокойно сидеть и попытаться осознать это чудо — то, что мы покоились в самом центре одного из великих океанов мира. Но вскоре странное вокруг нас зрелище, освещаемое во всех направлениях нашими огнями, привлекло нас к окнам.

Мы опустились на ложе из высоких водорослей («Cutleria multifida», как сказал Маракот), желтые стебли которых колебались кругом нас, движимые каким-то глубинным течением точно так же, как летний ветерок колышет ветви деревьев. Они были не настолько длинными, чтобы мы не могли глядеть вдаль, хотя их большие плоские листья, ярко золотые при свете, то и дело заслоняли все видимое нами. За ними лежали склоны из какого-то черного ватого, похожего на шлак материала, так же густо усеянные созданиями восхитительной окраски: голотуриями, асцидиями, морскими ежами и иглокожими, как холмы Англии весной покрываются гиацинтами и первоцветами. Эти живые цветы моря, ярко багряные, роскошно-пурпурные и нежно-розовые, были расточительно разбросаны на черном, как уголь, фоне. Там и сям из расщелин темных скал торпачились большие губки и несколько рыб срединной глубины, казавшихся красочными молниями, пересекали наш блестящий круг света. Мы в восхищении смотрели на это сказочное зрелище, как вдруг из слуховой трубки донесся встревоженный голос:

— Ну, как вам нравится дно? Все ли у вас благополучно? Не оставайтесь там чересчур долго, потому что барометр падает и мне не нравится его вид. Достаточно ли мы подаем вам воздуха? Не нужно ли вам еще чего-нибудь?

— Все в порядке, капитан! — весело крикнул Маракот. — Мы долго не задержимся. Вы хорошо нянчите нас. Нам также удобно здесь, как в нашей собственной каюте. А сейчас — двигайте нас медленно вперед!

МЫ вступили в полосу светящихся рыб и нас забавляло, выключив наши собственные огни и погрузившись в такую абсолютную темноту, в которой подвешенная на целый час чувствительная пластинка не запечатлела бы никакого следа даже ультрафиолетовых лучей, выглядывать наружу, на фосфоресцирующую деятельность океана. Слово на черном бархатном пологие виднелись маленькие точки ослепительного света, неуклонно двигавшиеся вперед, как линейный корабль ночью проливает свет сквозь длинный ряд своих иллюминаторов. У одного ужасающего создания были светящиеся зубы, которые скрежетали на библийский образец в полной темноте. У другого были длинные золотистые щупальцы, а у третьего оперение из пламени над головой. Насколько хватал наш взор, во мраке вспыхивали блестящие точки, каждое маленькое существо было занято своим собственным делом и освещало свой собственный курс так же уверенно, как ночные такси в час театрального развоза на улицах Лондона. Вскоре мы снова зажгли наши огни и профессор стал делиться своими наблюдениями над морским дном.

— Как бы глубоко мы не находились, это все же недостаточная глубина, чтобы достигнуть какой-нибудь типичной глубоководной выемки, — сказал он. — Она совер-

шенно вне наших пределов досягаемости. Может быть, в другом случае, с более длинным канатом...

— Заткнитесь! — проворчал Билль. — Забудьте об этом!

Маракот улыбнулся. — Вы скоро освобитесь с глубиной, Скэнлан! Это будет не единственный наш спуск.

— Чорта с два! — пробормотал Билль.

— Вы будете относиться к этому так же, как к спуску в трюм «Страдфорда». Заметьте, м-р Хэдлей, что основание дна здесь, поскольку мы можем наблюдать его сквозь густые наросты гидroids и силикатных губок, состоит из пемзы и черного шлака базальта, что указывает на древнюю плутоническую деятельность. Я вижу, что подтверждается моя старая точка зрения; этот горный хребет — часть вулканической формации, а глубина Маракота, — он любовно произнес это название, — представляет собой наружный склон горы. Мне пришел в голову интересный опыт: медленно продвигать нашу клетку вперед, пока мы не достигнем края Глубины и ясно не рассмотрим, какова может быть формация в этой точке. Я предполагаю найти там пропасть внушительных размеров, тянущуюся под острым углом вниз в крайние глубины океана.

Этот опыт показался мне опасным, так как кто мог заранее предугадать, насколько наш тонкий канат выдержит напряжение бокового движения. Но для Маракота опасности просто не существовало, ни для него самого, ни для кого-нибудь другого, когда дело шло о каком-нибудь научном наблюдении. Я затаил дыхание и тоже самое, как я заметил, сделал и Билль Скэнлан, когда медленное движение нашей стальной скорлупы, раздвигавшей в сторону колышущиеся стебли морских трав, убедило нас, что канат напрягается во всю. Однако, он с честью выдержал это испытание: мягко и плавно, все ускоряя ход, мы стали скользить по дну океана. Маракот, держа на ладони компас, выкрикивал свои приказания, какой следует держать курс, то и дело командовал приподнимать клетку вверх для избежания того или иного препятствия на нашем пути.

— Этот базальтовый хребет вряд ли имеет больше мили в поперечнике! — объяснил он. — По моим расчетам пропасть находится на запад от той точки, где мы нырнули. В таком случае, мы, наверное, ее достигнем в самый непродолжительный срок.

Мы без всякой задержки скользили по вулканической равнине, оперенной колышущимися золотистыми водорослями и изукрашенной прекрасными драгоценностями самой природы, пылающими из своей черной, как смоль, оправы. Внезапно профессор бросился к телефону:

— Остановитесь здесь! — крикнул он. — Мы у места!

ЧУДОВИШНАЯ зияющая бездна внезапно открылась перед нами. Это было наводящее ужас место, видение какого-то ночного кошмара. Черные сверкающие скалы из базальта круто ниспадали вниз, в неведомое. Их края были окаймлены свисающими большими водорослями laminae, как папоротник иногда свешиваются над какими-нибудь ущельем; ниже этого показывающегося, колеблющегося обода, виднелись только черные мерцающие стены бездны. Скалистый край уходил от нас в сторону, но пропасть могла быть любой ширины, так как наши огни были не в силах прорезать, лежавший перед нами мрак. Направленная вниз сигнальная лампа Лукаса отбросила длинную золотистую дорожку из параллельных лучей, потянувшихся вниз, пока она не погасла в ужасном мраке под нами.

— Это прямо удивительно! — воскликнул Маракот, выглядывая наружу с приятным выражением собственника на своем худом, суровом лице. — Нечего и говорить, что такая глубина не часто бывала претерпевленной. Существуют Глубина Челленжера около Ладронских островов, в двадцать шесть тысяч футов, Глубина Планета в тридцать две тысячи футов у Филиппин и много других. Но, очевидно, Глубина Маракота стоит совершенно особняком по крутизне своего спуска, и замечательна также тем, что она ускользнула от внимания многочисленных гидрографов-исследователей, составлявших карту Атлантического океана. Вряд ли следует сомневаться...

Он остановился на середине фразы. На его лице застыло выражение живейшего интереса и удивления. Мы с Билли Скэнлан, заглянув через его плечо, окаменели от того, что представилось нашему изумленному взору.

Какое-то большое создание поднималось по туннелю света, который мы отбросили в пропасть. Далеко внизу, там, где конец туннеля уходил в темноту бездны, мы могли смутно различить неясные движения какого-то чудовищного тела, медленно подвигавшегося кверху. Неловко разгребая воду и тускло отсвечивая, оно направлялось к краю пропасти. Теперь, приблизившись к нам, оно попало прямо в полосу нашего луча и мы могли яснее рассмотреть его ужасающие очертания. Это была тварь, неведомая науке, но вместе с тем в преувеличенных размерах напоминавшая знакомые нам виды животных.

Слишком длинная для огромного краба и слишком короткая для гигантского омара, она скорее была похожа по своему строению на речного рака, с двумя чудовищными клешнями, выходящими с каждой стороны, и парой шестнадцатифутовых щупальцев, которые дрожали у ее черных, тупых, угрюмых глаз. Ее верхний панцирь, светло-желтого цвета, имел приблизительно десять футов в поперечнике, а ее общая длина, не считая щупальцев, очевидно, была не меньше тридцати футов.

— Замечательно! — воскликнул Маракот, лихорадочно царапая в своей записной книжке. — Сложные глаза, эластичные пластины. Семейство ракообразных, вид неизвестен. *Crustaceus Maracoti* — почему нет? Почему бы нет?

— Чорт с ней! Я обойдусь без ее названия, но мне кажется, что она приближается к нам! — крикнул Билль. — Послушайте-ка, профессор, как насчет того, чтобы выключить наш свет?

— Только еще одно мгновение, пока я отмечу ретикуляцию! — воскликнул натуралист. — Так, так, довольно! — он повернул выключатель и мы снова очутились в полной темноте, если не считать вспыхивавших снаружи огоньков, похожих на метеоры в безлунную ночь.

— Эта тварь — худшая из всех тварей в мире! — сказал Билль, обтирая свой лоб. — Я чувствовал себя, как на утро после целой бутылки запретной в Америке влаги.

— Она действительно устрашающая на вид! — зметил Маракот. — Возможно, что она оказалась бы такой же устрашающей и на деле, если бы мы попались в эти чудовищные клешни. Но, находясь внутри нашей стальной камеры, мы можем позволить себе рассматривать ее в безопасности и с полным спокойствием.

Едва лишь он сказал это, как вдруг послышался удар, словно киркой, по нашей наружной стене. Затем последовало длительное поскребывание и царапанье, закончившееся н резким ударом.

— Сажайте-ка, оно желает войти к нам! — тревожно крикнул Билль Скэнлан. — Черт возьми! Надо бы о бы нам написать на этой ленте «Вход воспрещается». — Дрожащий голос выдавал, однако, всю принужденность его веселья. Признаюсь, что и у меня затряслись коленки, когда я заметил, что таинственное чудовище поочередно закрывало одно за другим наши окна еще более черной темнотой, исследуя со всех сторон эту странную скорлупу, в которой, если бы ему только удалось разбить ее, могла заключаться пища.

— Она не может нанести нам вреда! — сказал Маракот, но в его тоне звучало уже меньше уверенности. — Может быть, лучше будет стряхнуть эту тварь? — Он вызвал к телефону капитана.

— Подтяните нас кверху на двадцать или тридцать футов! — закричал он.

Несколькими секундами позже мы поднялись с долины из лавы и мягко раскачивались среди неподвижной воды. Но ужасная тварь оказалась настойчивой. Через очень ко-

роткий промежуток времени мы снова услышали ее скребущие щупальцы и резкие похлопывания клешней, пока она ощупывала нас кругом. Было ужасно сидеть молча в темноте и сознавать, что смерть так близко. Если эта мощная клешня надавит на окно, выдержит ли оно? Этот невысказанный вопрос был у всех нас на уме.

Но внезапно появилась неожиданная и еще более серьезная опасность. Похлопывания перешли на крышу нашего маленького обиталища и теперь мы начали ритмически раскачиваться взад и вперед.

— Милостивый боже, — крикнул я. — Она завладела канатом! Она наверняка разорвет его!

— Послушайте-ка, профессор, я за то, чтобы подняться на поверхность. Полагаю, что мы уже видели то, зачем мы сюда явились, а Билль Скэнлана одолевает тоска по родине. Вызовите-ка подъемный кран и пусть он нас вытащит обратно.

— Но наша работа не выполнена и наполовину! — прокаркал Маракот. — Мы только еще приступили к исследованию краев Глубины. Давайте, посмотрим, по крайней мере, какова его ширина. После того, как мы достигнем ее противоположной стороны, я соглашусь подняться изверх. — Потом обратился в телефон. — Все благополучно, капитан. Идите вперед, с скоростью двух узлов, пока я не прикажу остановиться.

Мы медленно подвигались вперед через край пропасти. Так как темнота не спасла нас от атаки, мы зажгли наши огни. Один из иллюминаторов был совершенно заслонен тем, что казалось нижним желудком этого существа. Его голова и большие клешни работали над нами и мы по-прежнему раскачивались, как церковный колокол. Сила у этого животного, должно быть, была огромная.

Под нами — пять миль воды, а над нами — это смертельное чудовище. Находились ли еще когда-либо смертные в подобном положении? Колебания становились все более и более сильными. Из трубки телефона раздался возбужденный крик капитана, заметившего, что канат дергается. Маракот вскопчил, в отчаянии зломив кверху руки. Даже сидя внутри клетки, мы ощущали дребезжание разрываемых проволок и мгновение спустя, мы стали падать в необъятную глубину, расстилвшуюся под нами.

Обращаясь назад, к этому ужасному моменту, я припоминаю дикий вопль Маракота:

— Канат отделился! Вы ничего не можете поделать! Мы все — мертвые люди! — вопил он, ухватившись за телефонную трубку, а затем прибавил: — Проходите, капитан, проходите, все! — Это были наши последние слова, обращенные к человеческому миру.

Мы НЕ упали стремительно вниз, как вы, может быть, себе представляете. Несмотря на свою нагрузку, наша полая скорлупа нас некоторым образом поддерживала и мы медленно и мягко опускались в пропасть. Я услышал долгое царапанье, когда мы проскользнули через клешни отвратительной твари, бывшей причиной нашей гибели, а затем, плавным спиральным движением мы стали погружаться вниз, в бездонную глубину. Прошло, может быть, добрых пять минут, которые показались нам целым часом,

пока мы достигли пределов нашей телефонной проволоки и разорвали ее, как нитку. Наши трубки для подачи воздуха отломались почти одновременно с этим и брызги соленой воды заструились в отверстия. Быстрыми, умелыми руками Билль Скэнлан затянул веревки вокруг каждой из резиновых трубок и таким образом остановил проникавшую к нам воду, пока профессор снимал крышку у нашего резервуара сжатого воздуха, который и начал со свистом выходить наружу. Свет погас, когда оборвалась проволока, но даже в темноте профессор сумел соединить сухие элементы Геллесена и вновь загорелось несколько лампочек в потолке.

— Нам хватит их на неделю! — сказал он, криво усмехнувшись. — По крайней мере, мы сможем умереть при свете. — Потом он грустно покачал головой и ласковая улыбка озарила его худощавые черты. — Для меня это

— Остановитесь здесь! — крикнул он. — Мы у места!

все равно! Я — старик и исполнил свой долг на земле. Мое единственное сожаление, что я позволил вам, двум молодым людям, отправиться со мной. Мне следовало riskовать одному.

Я пожал только ему руку, чтобы его успокоить, потому что и вправду мне нечего было говорить. Билль Скэнлан также промолчал. Мы медленно опускались, отмечая наш путь темными тенями рыб, убегавшими мимо наших окон. Казалось, будто они несутся вверх, а не мы опускаемся вниз. Мы все еще качались из стороны в сторону и, насколько я видел, не было ничего, что помешало бы нам упасть на бок или даже опрокинуться вверх дном. Однако, наша тяжесть, к счастью для нас, хорошо уравновешивалась и наш пол сохранял горизонтальное положение. Вглянув на измеритель глубины, я увидел, что мы уже достигли глубины одной мили.

— Как видите, все обстоит так, как я говорил! — удовлетворенно заметил Маракот. — Может быть, вам приходилось просматривать в записках Океанографического Общества мою статью о соотношении глубины и давления. Мне бы хотелось передать еще несколько слов миру, хотя бы для того только, чтобы опровергнуть Бюлова из Гессена, который отрицался мне противоречить.

— Чорт возьми! Если бы я мог передать несколько слов миру, так уж, конечно, не стал бы терять их на то, чтобы какая-нибудь ученая голова задрала свои брови от изумления! — сказал механик. — В Филадельфии есть маленькая пичужка, на хорошенькие глазки которой навернутся слезы, когда она услышит, что Билль Скэнлан вышел в тир-ж. Как бы там ни было, удивительно дурацкий и диковинный способ самоуничтожения.

— Вам не следовало отправляться с нами! — сказал я, взяв его за руку.

— Каким никчемным уродом был бы я, если бы отступился от этого предприятия! — ответил он. — Нет, это мое дело и я рад, что взялся за него.

— Как долго нам осталось жить? — спросил я профессора после паузы.

Он пожал плечами.

— Как бы там ни было, у нас еще будет время увидеть подлинное дно океана! — сказал он. — В наших трубках достаточно воздуха для большей половины одного дня. Все наше горе — продукты выделения, вот что нас задушит. Если бы мы могли избавиться от нашей углекислоты...

— Насколько я вижу, это невозможно...

— Здесь есть один баллон чистого кислорода. Я захватил его на случай какого-либо несчастья. Небольшие количества его, время от времени, помогут нам поддерживать дыхание. Заметьте, что мы уже на глубине больше двух миль.

— К чему пытаться поддерживать свою жизнь? Чем скорее это кончится, тем лучше, — сказал я.

— Это просто допинг! — воскликнул Скэнлан. — Оборвите все сразу и кончайте!

— И пропустить самое удивительное зрелище, когда-либо представлявшееся человеческому взору! — сказал Ма-

ракот. — Это было бы изменой науке. Давайте устанавливать факты до конца, даже если им суждено быть навеки погребенными вместе с нашими телами. Доведем игру до конца.

— Вот так спортсмен-м лодчага, наш профессор! — воскликнул Скэнлан. — Полагаю, что он прав. Играем до конца.

Мы все трое терпеливо сидели на диване, цепляясь напрядженными галсами за его края, в то время, как он раскачивался и ходил под нами, а рыбы по-прежнему быстро проносились вверх вдоль иллюминаторов.

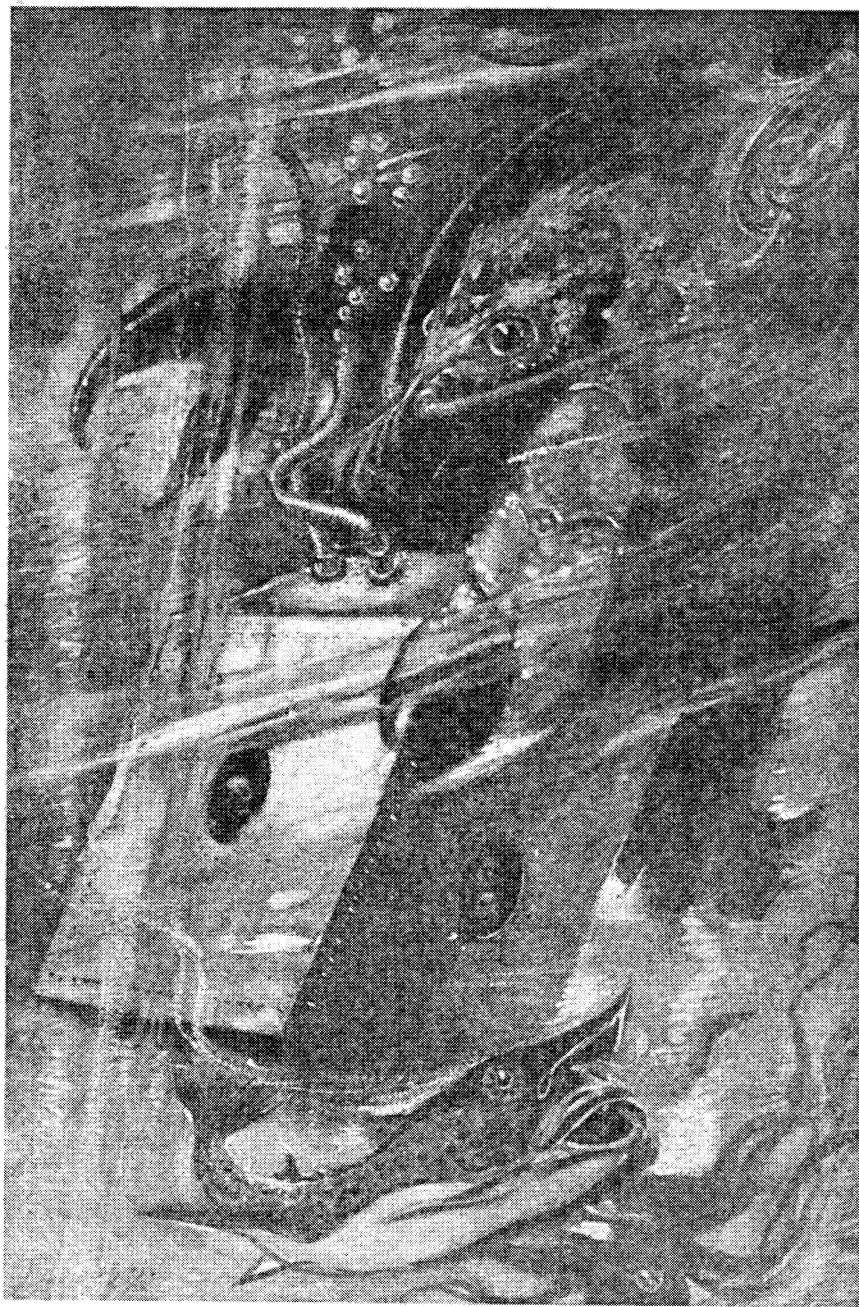
— Теперь уже три мили! — заметил Маракот. — Я открою кислород, мистер Хэдлей, так как скоро конец. Несомненно одно, — прибавил он со своим сухим, кудахтающим смешком, — отныне и на вечные времена эта бездна будет называться Глубиной Маракота. Когда капитан Хови сочит эти новости, мои коллеги позаботятся о том, чтобы моя могила стала и моим памятником. Даже Бюлов из Гессена... — Дальше он стал изливаться в каких-то невгазумительных научных жалобах.

Мы снова сидели в молчании, наблюдая, как стрелка ползла на четвертую милю. В одном месте мы натолкнулись на что-то тяжелое; оно так сильно встрянуло нас, что я

испугался как бы мы не перевернулись на бок. Возможно, что это была какая-нибудь огромная рыба или, может быть, мы натолкнулись на какой-нибудь выступ скалы, через край которой устремились вниз. Этот край показался нам в то время такой изумительной глубиной, а сейчас, когда мы мысленно возвращались к ней из нашей ужасной пропасти, она представлялась нам почти что поверхностью океана.

Мы неизменно вращались и описывали круги все ниже и ниже сквозь темно-зеленую пустыню вод.

Циферблат показывал глубину в двадцать пять тысяч футов.

Голова и большие клешни работали над нами.

— Мы почти у конца нашего путешествия! — сказал Маракот. — Мой регистратор Скотта дал мне в прошлом году двадцать шесть тысяч семьсот в самой глубокой точке. Через несколько минут мы узнаем нашу судьбу. Может быть, толчок раздавит нас. Может быть...

В этот момент мы достигли дна.

Никогда, ни один ребенок, опускаемый матерью на глубокую постельку, не укладывался более нежно, чем мы на глубочайшее дно Атлантического океана. Мягкий, густой эластичный ил, на который мы опустились, был превосходным буфером, спасшим нас от малейшего сотрясения. Мы едва не поднялись с наших мест, и хорошо, что этого не сделали, так как уткнулись в какой-то выдающийся бугор, густо покрытый клейкой желатиной грязью, и там балансировали, плавно покачиваясь, в то время, как почти половина основания нашей клетки выдавалась вперед над бугром, ничем не поддерживаемая снизу. Была опасность, что мы опрокинемся на бок, но в конце концов мы укрепились на месте и остались неподвижны. Вот тогда-то профессор Маракот, выглянув через свой иллюминатор, издал крик удивления и поспешно выключил электрический свет.

К нашему изумлению, мы по-прежнему могли все ясно различить. С аружи разливался тусклый, туманный свет, который входил сквозь наши иллюминаторы, как холодный отблеск зимнего утра. Мы выглядывали на странное зрелище и, без помощи наших собственных огней, могли ясно видеть на несколько сот ярдов во всех направлениях. Это было невозможно, невозможно, но тем не менее, свидетельство наших чувств говорило за то, что это — факт. Дно большого океана светилось!..

— Почему бы нет! — воскликнул Маракот, после того, как мы на одну-две минуты застыли в молчаливом изумлении. — Разве мне не следовало это предвидеть? Что такое этот глобигериновый или птероподный ил? Не продукт ли это порчи, не распавшиеся ли тела миллиардов органических изданий? А разве гниение не связано с фосфоресцирующим светом? Где, во имя всего существующего, было бы это виданно, если не здесь? Ах! Тяжело, что мы обладаем таким очевидным доказательством и не в состоянии оповестить мир о нашем открытии!

— Однако, мы вычерпывали по полтонны радиоактивного студня сразу, — заметил я, — но не обнаруживали такого свечения.

— Несомненно, он утрачивал его на своем долгом пути к поверхности. И что представляет собой полтонны по сравнению с этими далеко расстилающимися долинами медленного гниения? Глядите, глядите, — заорал он в неопишемом возбуждении, — глубоководные создания пасутся на этом органическом ковре, так же, как наши земные стада пасутся на лугах!

Пока он говорил, стая больших черных рыб, тяжелых и неуклюжих, медленно подплыла к нам над дном океана,

тыча носы в губчатые наросты и склеивая их при своем приближении. Другое огромное красное создание, вроде диковинной океанской коровы, жевало жвачку против моего иллюминатора, и еще другие паслись там и тут, время от времени поднимая свои головы, чтобы поглядеть на этот странный предмет, так внезапно появившийся среди них.

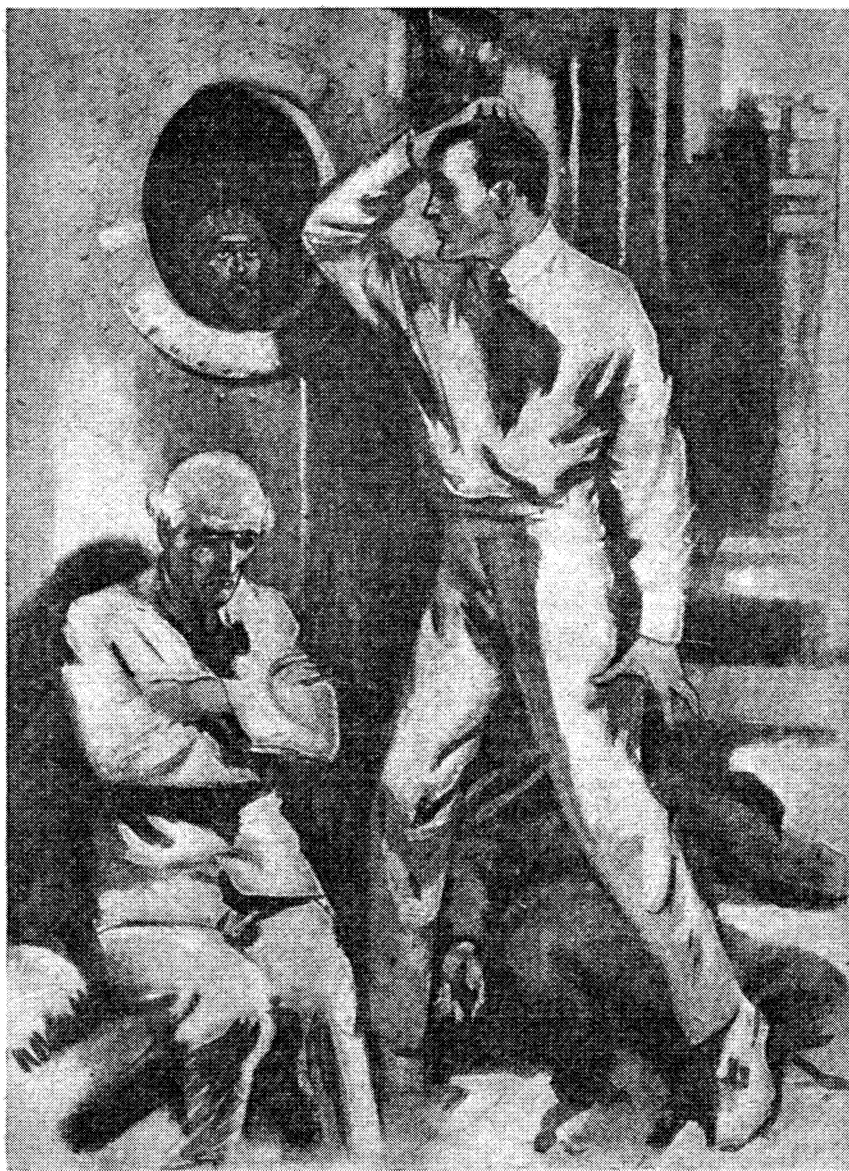
Я МОГ только восхититься Маракотом, который в этой удушливой атмосфере, ослепленный самой смертью, по-прежнему повиновался велению науки и записывал в памятной книжке свои наблюдения. Не следуя его точным методам, я тем не менее отмечал в уме все видимое; оно навсегда запечатлелось в моем мозгу. Самые нижние равнины океана состояли из красной глины, но здесь она была покрыта сверху серой, глубоководной тиной, которая на-

сколько хватала наши глаза, образовывала зыбкую поверхность. Поверхность эта не была ровной, а перерезалась многочисленными странными закругленными буграми, мерцающими в призрачном свете; все они походили на тот бугор, на который мы опустились. Между этими пригорками мелькали большие стаи странных рыб; многие из них совершенно неизвестные науке, окрашенные во все цвета радуги, но с преобладанием черного и красного оттенка. Маракот наблюдал их с едва подавляемым возбуждением и продолжал заносить свои заметки.

Воздух стал очень тяжелым и мы снова поддержали свое существование свежей порцией кислорода. Любопытно, что мы все почувствовали голод, даже, вернее сказать, нас обуяла прожорливость и мы жадно набросились на мясные консервы и хлеб с маслом, заливая их виски с водой, предусмотрительно припасенными Маракотом. Это подкрепление дало новый толчок моей способности восприятия. Я уселся у своего иллюминатора, страстно мечтая о последней папиросе, когда мой взор упал на нечто, пробудившее во мне вихрь странных мыслей и ожиданий.

Я уже говорил, что зыбкая серая равнина по обеим сторонам от нас была усеяна, как нам казалось, пригорками. Один из них, особенно большой, находился против моего иллюминатора, его отделяли от моих глаз каких-нибудь тридцать футов. Сбоку на нем виднелся какой-то диковинный знак и, глядя вдоль него, я увидел, к моему удивлению, что тот же знак повторялся снова и снова, пока он не исчезал за поворотом.

Когда находишься так близко к смерти, многое нужно для того, чтобы привести в трепет обреченного человека. Однако, у меня захватило дыхание и на мгновение остановилось сердце, когда я внезапно осознал, что то, на что я смотрел — был фриз. Обросший тиной и изъеденный временем, он все же ясно свидетельствовал, что рука человека некогда вылепила эти поблекшие фигуры. Маракот и Скенлан столпились у моего иллюминатора и с крайним удивлением смотрели на эти знаки вездесущей людской энергии.

Человеческое лицо смотрело на нас через иллюминатор.

— Это наверняка скульптура! — воскликнул Скенлан. Полагаю, что это сволочное место было крышей какой-то постройки. Но тогда значит и все остальные бугры — тоже здания. Послушайте-ка, хозяин, да мы прямо ввалились в какой-то город.

— Это и в самом деле древний город! — сказал Маракот. — Геология учит, что моря были некогда материками, а материки — морями, но я никогда сомневался в предположении, что в такие недавние времена, как четвертичный период, могло происходить убывание Атлантического океана. И вот оказывается, что передаваемые Платоном египетские сплетни имеют свое фактическое основание. Эти вулканические образования подтверждают, что такое оседание произошло благодаря сейсмической деятельности.

В куполах замечается некоторая правильность, — сказал я. Мне думается, что это не отдельные дома, а купола, образующие украшение крыши какого-то одного огромного здания.

— Полагаю, что вы правы! — отозвался Скенлан. — Я насчитал четыре больших по углам, а между ними расположен ряд меньших. Это какая-то постройка; если бы мы могли увидеть всю ее целиком! В нее можно было бы поместить весь завод Мэррибенка и в придачу к нему еще несколько предприятий.

— Она погребена до самой крыши постоянной осадками сверху, — сказал Маракот, — и все же она не развалилась. На большой глубине держится постоянная температура, немногим выше 32 градусов по Фаренгейту, которая останавливает разрушительный процесс. Даже распад глубоководных останков, устилающих дно океана и дающих нам освещение, должен совершаться очень медленно. Вот так как! В эти знаки — не фриз, а надпись!

Не было никакого сомнения в том, что он прав. Один и тот же символ повторялся то тут, то там. Начертания эти наверняка представляли собою буквы какого-то архаического алфавита.

— Я изучал финикийские древности. Действительно, есть что-то знакомое в этих знаках! — сказал нам ученый. — Итак, мои друзья, мы видели погребенный город древности, и уносим с собою в могилу прекрасную часть знания. Больше нам узнавать нечего. Наша книга познания закрылась. Согласен с вами, что чем скорее наступит конец, тем лучше.

А конец уже невозможно было надолго отсрочить. Воздух был застоявшийся и ужасный. Он был так насыщен продуктами углерода, что кислород едва справлялся с надвигающимся удушьем. Встав на диван, еще можно было глотнуть частицу более чистого воздуха, но дымчатые пары медленно поднимаясь вверх. Профессор Маракот с покорным видом скрестил руки и опустил на грудь голову. Скенлан обессилел под влиянием паров и уже свалился на пол. У меня кружилась голова и я ощущал невыносимую тяжесть

в груди. Закрыв глаза, я быстро начал терять сознание. Поднял веки, чтобы еще раз взглянуть на этот мир, который я был готов покинуть и... шатаясь, вскочил на ноги, с хриплым возгласом удивления.

Человеческое лицо смотрело на нас через иллюминатор!

Было ли этой моей галлюцинацией? Я схватил Маракота за плечи и стал усиленно его трести. Он выпрямился и безмолвно впился пораженным взглядом в то же явление. Если он видел его так же ясно, как и я, значит, оно не было порождением моего мозга. Лицо было длинное и худое, с темным цветом кожи, с короткой острокопной бородкой и двумя живыми глазами, бросающими туда, то сюда быстрые, вопрошающие взгляды, которые схватывали каждую деталь нашего положения. Крайнее

изумление выразилось на лице этого человека. Наши лампочки горели теперь все полностью и его взору представилась, очевидно, в самом деле странная и яркая картина в этой крошечной комнате смерти, где один человек лежал без чувств, а два других пристально устремили к нему свои искаженные, свеченные судорогой лица умирающих от удушья. Оба мы держались руками за горло и наши тяжело вздымающиеся груди ясно обнаруживали наше отчаянное состояние. Человек взмахнул рукой и поспешно удалился.

— Он покинул нас! — воскликнул Маракот.

— Или отправился за подмогой. Давайте, поднимем Скенлана на кушетку. Там внизу его ждет верная гибель.

Мы втащили механика на диван и прислонили его голову к подушкам. Лицо его посерело и он бредил, но пульс его все же можно было прощупать.

— У нас еще есть надежда! — прохрипел я.

— Но это безумие! — крикнул Маракот. — Как может человек жить на дне океана? Как он может дышать? Это — колоссальная галлюцинация. Мой молодой друг, мы с вами сходим с ума...

Смотря на бледный, унылый серый ландшафт, озаренный печальным призрачным светом, я почувствовал, что, может быть, Маракот и прав. Потом внезапно я заметил какое-то движение. Сквозь отдаленную воду замелькали тени. Они уплотнились и отвердели в движущиеся фигуры.

Толпа людей спешила к нам по дну океана. Спустя мгновение, они собрались против иллюминатора, указывая и жестикулируя в оживленном споре. В толпе были и женщины, но большая часть ее состояла из мужчин, один из которых, — мощная фигура с очень большой головой и пышной черной бородой, — очевидно, являлся облеченным властью лицом. Он быстро исследовал нашу стальную скорлупу и, так как край основания клетки выдавался над местом, на котором мы покоились, он увидел, что в дне находилась навешенная в петли дверь люка. Отослав обратно быстро умчавшегося гонца, он энергичными пове-

Вождь взял Маракота за руку и мы последовали за ними обоими.

лительными жестами показывал нам, чтобы мы открыли изнутри дверь.

— Почему бы нет? — спросил я. Не все ли нам равно — утонуть или задохнуться? Я больше не в силах!

— Возможно, что мы и не утонем! — ответил Маракот. — Входящая снизу вода не сможет подняться над уровнем сжатого воздуха. Дайте Скэнлану немного брэнди. Он должен сделать еще одно усилие, хотя бы оно было последним.

Я насильно влил жидкость в горло механика. Он глотнул и стал озирааться вокруг удивленными глазами. Вдвоем мы поставили его на диван и стали по бокам от него. Он все еще сохранял ошолобевший вид, но я в нескольких словах объяснил ему всю ситуацию.

— Возможна опасность отравления хлором, если вода достигнет батарей! — сказал Маракот. — Откройте все воздушные трубки, ведь чем выше будет давление, тем меньше войдет воды. Теперь помогите мне, пока я буду нажимать рычаг.

Мы навалились на него всей нашей тяжестью и вытащили круглую пластинку из дна нашего небольшого жилища. Зеленая вода, искрящаяся и мерцающая в лучах нашего света, с бульканьем стала затоплять клетку. Она быстро поднялась к нашим ногам, к коленям, к груди, и тут остановилась. Но давление воздуха стало нестерпимым. В головах у нас шумело и наши барабанные перепонки готовы были лопнуть. В такой атмосфере мы бы долго не выжили. Только ухватившись за вешалку, мы удержались от того, чтобы не упасть в воду под нашими ногами.

С высоты нашего места мы не могли больше заглядывать в иллюминаторы, а также не могли и представить себе, какие шаги были предприняты для нашего освобождения.

Конечно, нам казалось немислимым, что какая-нибудь действительная помощь явится к нам, но все же в этих людях чувствовалось что-то повелительное, какое-то твердое намерение, особенно в полном бородавом вожде, что внушало нам смутную надежду. Внезапно мы заметили его лицо, глядевшее на нас снизу, сквозь воду, и мгновенно позже он пробрался сквозь круглое отверстие, влез на диван и стал рядом с нами. Короткая коренастая фигура, не выше моего плеча, но оглядывавшая нас большими карими глазами, полными полушутливого доверия. Словно он хотел сказать: «Эх, вы, бедняги! Вы думаете, что попали в очень скверную историю, а я хорошо знаю, как вас из нее вызволить!»

Только сейчас я заметил поразительную вещь. Этот человек (если он, действительно, принадлежал к той же человеческой породе, что и мы) был покрыт со всех сторон прозрачной оболочкой, которая окутывала его голову и тело, в то время, как его конечности оставались на свободе. Оболочка эта была настолько прозрачна, что в воде ее нельзя было заметить. Сейчас же, когда он находился в воздухе, рядом с нами, она блестела как серебро, хотя и оставалась прозрачной, как тончайшее стекло. На каждом

плече под этим защитным футляром у него виднелись странные закругленные выступы. Они походили на продолговатую коробку, с проткнутыми в ней многочисленными дырками и придавали ему такой вид, как будто он носил эполеты.

После того, как наш новый друг присоединился к нам, какое-то другое лицо заглянуло в отверстие дна и бросило сквозь него что-то показавшееся нам большим стеклянным пузырем. Одна за другой три таких штуки были нам переведены и они плавали теперь на поверхности воды. Затем нам вручили шесть небольших коробок, а наш новый знакомец привязал при помощи прикрепленных к ним ремней, по одной из них к каждому нашему плечу, где они затопорщились кверху, как и его собственные. Я уже начал подозревать, что жизнь этих странных людей, подчинялась тем же естественным законам природы и что в то время, как одна коробка каким-то новым способом производила воздух, другая поглощала отбросные вещества. Эти прозрачные одежды, он продел через наши головы и мы почувствовали, что они плотно охватили нас эластичными повязками вокруг предплечья и пояса, так что вода не могла добраться до нашего тела. Мы разом стали легко и свободно дышать; было отраднo видеть, как Маракот взглядывает на меня искрящимися по старому глазами, а ухмыляющаяся физиономия Билля Скэнлана успокоила меня, что податель жизни, кислород, сделал свое дело и что Билль вновь обрел свою жизнерадостность. Наш же спаситель с серьезным удовлетворением переводил взор с одного из нас на другого, а затем жестами предложил последовать за ним через дверь люка и дальше наружу, на дно океана. Дюжина услужливых рук протянулась, чтобы протаскать нас сквозь отверстие и поддержать наши первые неверные шаги, когда мы спотыкаясь увязали в тинистом иле.

И посейчас еще я не могу освоиться с этим чудом. Все мы трое, невредимые и в полной безопасности, находились на дне пятимильной водяной пропасти. Где же было то укасающее давление, которое занимало воображение стольких ученых? Мы страдали от него не больше, чем плававшие вокруг нас хрупкие рыбки. Правда, что касается наших тел, мы были защищены этими нежными колпаками из стекла, которые на деле были более упругими, чем самая крепкая сталь, но даже наши открытые конечности ощущали только плотное сжатие водой, на которое привыкаешь со временем не обращать никакого внимания. Было удивительно стоять так и глядеть на клетку, из которой мы вышли. Покидая камеру, мы не выключили наших батарей и наше бывшее обиталище представляло собою замечательное зрелище. Из каждой его стороны струились лучи желтого света и огромные стаи рыб собирались у каждого окна. Мы все еще наблюдали эту картину, когда вождь взял Маракота за руку и мы последовали за ними обоими через водяную топь, неуклюже и тяжело пробираясь по липкой поверхности.

(Продолжение в № 23)

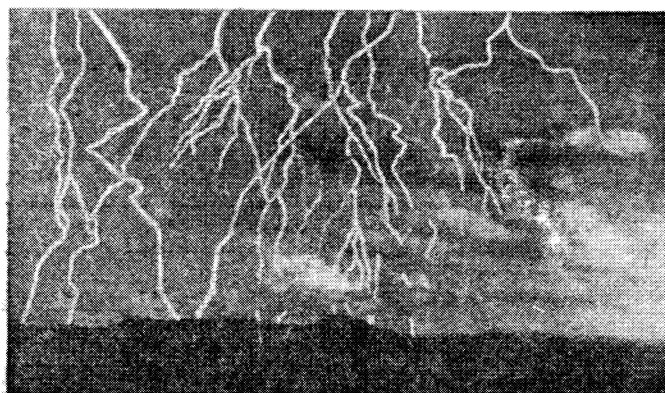
ФОТОГРАФИРОВАНИЕ МОЛНИИ

Молнию фотографировать можно, но для этого нужно обычно ночью установить свой фото-аппарат в местности, которая находится в стороне от освещенного человеческого жилья, железных дорог и т. д. Поставив камеру на бесконечность и установив ее на местность грозы, нужно открыть затвор. После этого остается только, вооружившись терпением, ждать, пока молния не ударит перед аппаратом. Иногда таким способом фотограф может получить очень удачные снимки, которые показывают молнии во всей их красоте. Все те разветвления, которые не заметны для простого глаза, на пластинке запечатлеваются.

На нашем рисунке изображена сделанная по этому способу фотография.

Молнии достигают, в среднем, от 2—3 километров длины и длятся, приблизительно, 0,0001 сек. Сила тока молнии оценивается в 600 ампер. При разряде молнии развивается жара в 3.000—4.000°.

Значительные массы энергии можно было бы съэкономить, если бы удалось эту силу природы подчинить человеческой культуре. Но, к сожалению, до наших дней

это еще не удалось. Но большим успехом является уже и то, что мы в наше время имеем надежные средства (громоотводы), которые исключают возможность удара молнии в человеческие постройки.

Это было еще в те времена, когда старик Рузвельт сидел на своем президентском кресле в Белом Доме. Наше мудрое правительство решило предпринять новую попытку приучить к соседней жизни сонских индейцев и не было ничего лучшего, как распределить между скотоводами часть индейских пастбищ. Повидимому, оно рассчитывало, что от такого приятного соседства краснокожие быстро поймут прелести цивилизованной жизни.

В те дни, в кампании нескольких всадников, я был послан патрулировать вдоль Большой Ветряной Реки, следить за тем, чтобы скот не удалялся слишком далеко от своих пастбищ и не попадал бы в сферу деятельности голодных индейцев.

Первым, кто столкнулся с «Тайной Дурных Земель» был сморщенный маленький техасец по имени Морган.

— Ребята, может быть я сумасшедший, но сегодня я видел самое странное существо, которое когда либо было перед моими глазами!

Внезапно странная фигура, казавшаяся человеком, подняла голову — и обезьяньими прыжками нырнула в холмы. Морган прищипорил своего коня и помчался вслед. Фигура появилась вновь, похожая на нечто среднее между человеком и животным. Остановившись на момент, она издала визжащий звук и затем исчезла за маленьким холмом. В эту минуту лошадь Моргана поскользнулась на обмерзлом склоне, сбросив своего всадника, и это закончило охоту.

Но мы не дали продолжать. Ведь ковбои вообще большие скептики и бедный Морган быстро стал мишенью общих насмешек. Одни занялись критическим обследованием его головы, другие начали выяснять вопрос о сорте выпитого им виски, вызывающем призраки и диких людей. Дело дошло до того, что в конце концов он в бешенстве вскачил на своего коня и умчался обратно в степь.

Судьбе было угодно, чтобы следующим, кого посетило таинственное существо, был именно «швед».

В одно прекрасное утро на пороге моей хижины неожиданно появился «швед». Но как он был непохож на того веселого всадника, который издевался над Морганом. Вздрагивая от пережитого ужаса, заступающимся голосом он пытался в отрывочных фразах рассказать мне о том, как ночью он был внезапно разбужен в своей палатке, чтобы в темноте сражаться за свою жизнь с каким-то волосатым чудовищем. Силясь освободиться от душащих его пальцев, которые железными клещами охватили его горло, он почти изнемогал. Он не помнит, как ему удалось освободиться и выскочить из палатки. Странное же существо, издавая дикие звуки, исчезло в темноте.

Забегаю вперед, я должен сказать, что потрясение не прошло для «шведа» бесследно. К тому времени, когда мы кончили наши дежурства на Ветвяной Реке, его волосы, глянцевого черного раньше, были сильно подернуты седью, а несколькими месяцами позже они стали совсем белыми. Таков был результат его полудночной встречи.

Итак, я возвращаюсь к своему рассказу. Потому что последним, кто встретился с тайной «Дурных Земель», был я.

Наступала зима. Я замазал глиной щели своей хижиньки и забил куском плотной парусины то отверстие, которое некогда было окном. В моей хижине было почти уютно, но все же я был беспокоен каждый раз, когда начинало темнеть. Часто до моих ушей доносились какие-то странные звуки и, однажды, выйдя наружу, я нашел своего рыжего вздрагивающим и фыркающим, дико озирающимся в направлении старой заброшенной шахты, лежавшей поблизости.

Поразмыслив немного, я решил, что это, повидимому, только бродячие индейцы и поблагодарил судьбу за дружескую близость своего Винчестера, так как ковбой без ружья все равно, что старый моряк без судна. Однако, вернувшись в теплоту хижины, я все же мысленно высказал несколько неслестных замечаний по адресу правительства и, главным образом, его индейской политики.

Положив свое ружье на сундук, где стояла горевшая свеча, я подбросил новый запас сухих поленьев в железную печурку и постарался занять свое внимание чтением старого журнала.

Я не прочел и пол-дюжины страниц, как поймал себя снова на мыслях и по поводу странных событий последнего времени. Я не верю в привидения или что-нибудь подобное, но какое-то непонятное существо должно было существовать здесь, поблизости. Об этом говорил и свежесрезанный проход у отверстия старой шахты, которой оно пользовалось в качестве логовища. «Какоенибудь животное, может быть волк», — решил я и, успокоив свои нервы этим предположением, помешал огонь и вернулся к своему журналу.

Я не знаю, как долго я читал. Внезапно звук разрывающегося холста заставил меня быстро вскочить на ноги и повернуться к окну. В рамке разодранной холстины передо мной было наиболее отвратительное, наиболее отталкивающее лицо, которое я когда-либо видел во сне.

Глубоко во впадинах, скрытых в беспорядочной гриве спутанных волос, подобно горящим углям сверкали сверлящие своим неподвижным взглядом черные глаза. Свисающий из неплотно сжатых челюстей язык и две огромных искривленных лапы, лежащие на раме, вызывали представление об огромном сен-бернаре. Судорожно зажатый в одной из лап клинок ножа тускло отражал блики огня. Все это я имел время рассмотреть прежде, нежели один из нас пошевелил хотя бы мускулом.

Пока я следил за ним, чувствуя, как медленно поднимаются мои волосы, когтистые лапы начали ощупывать бревна, как будто существо собиралось прыгнуть внутрь моей хижины. Босая ступня, опухшая и узловатая, покрытая ужасными следами обмороженного мяса, украдкой начала высовываться из окна. Оно карабкалось внутрь! В этот момент ползу забытое имя встало в моем сознании. «Джим!» — закричал я, но никакого проблеска сознания не появилось в этих ужасных глазах.

Выхода не было. Выйдя из своего опенения, я мигом схватился за свой автомат. В своей поспешности я уронил свечу и очутился в темноте, но в этот короткий момент фигура в окне с жалобным воплем прыгнула вниз и исчезла в снежной ночи.

Несколько минут я стоял неподвижно, прислушиваясь к хлопанию разорванной парусины и, напрягая слух, ожидал возвращения ночного гостя. В те времена я не боялся ни человека, ни дьявола, но я с трепетом вспоминал ужасное видение в окне и весь остаток ночи провел настороже. Да и смешно было бы мечтать о сне, когда от нового посещения меня защищала только разорванная парусина и едва держащаяся на своих петлях непрочная досчатая дверь.

Едва рассвело, я внимательно обследовал землю вокруг хижины и дорогу к заброшенной шахте, но выпавший за ночь снег скрыл все следы моего полуночного посещения.

Так это был Джим Блек! Теперь вся история стала мне ясной и я вспомнил стершиеся уже в моей памяти страшные дни, которые мне некогда пришлось пережить в обществе этого безумца. Рассказ мой затягивается, но чтобы он был полным, я должен вернуться на несколько лет назад.

Надо вам сказать, что когда то я был обладателем одного из лучших степных коней в нашем краю. И когда Денверская почта объявила большой приз победителю скачки на выносливость между Угденом и Колорадо, я решил на свой риск пойти на побитие рекорда. Труднейшая часть пути лежит через Красную Пустыню, где дороги скверны, а вода еще хуже, но я считал, что мой беломордый рыжий справится со всеми препятствиями.

Пройдя большую часть пути, я был уже глубоко в Дурных Землях, когда несчастье постигло меня в образе жесточайшего урагана. Резкий ветер все усиливался и вскоре я оказался задыхающимся перед лицом воющей снежной бури, которая едва не сбивала с ног моего коня. Некоторое время я пытался держаться прежнего направления, в надежде досчитать края пустыни прежде, чем наступит темнота. Но вскоре полу-занесенные снегом следы моего коня, очутившиеся передо мной вновь, показали, что чувство направления меня покинуло и что я верчусь в заколдованном кругу.

В этот момент до меня донесся слабый запах дыма. Это было спасением и среди страшных порывов ветра, толчу-ослепленный, я направился в сторону спасительного жилища. Неожиданно мой спотыкающийся конь очутился в самой середине огромного стада овец. Судьба, повидимому, послала мне фургон овечьего пастуха. Хозяин фургона с первого взгляда показался мне общительным парнем, хотя несколько странным. Его тонкое и нервное лицо, увенчивавшее шесть футов шесть дюймов его фигуры, было кротко и красиво, хотя временами глубоко посаженные черные глаза загорались каким-то диким, демоническим блеском, который, казалось, говорил о перенесенных страданиях и тоске.

Первое время разговор не клеился; его речь вертелась кругом овец, тогда как моя, естественно, стремилась к коровам,—к теме, едва не ставшей причиной моей гибели. Мой странный хозяин спокойно сидел на краю своей походной постели, занимавшей заднюю стену его дома на колесах.

Внезапно, с устрашающей неожиданностью, он вскочил, с глазами горящими от страха и ненависти. «Проклятье! — закричал он. — Я вижу, вы шпион, которого они послали вперед!» Затем, быстро согнувшись, он крадучись сунул за пазуху свою руку и вытащил огромный мясницкий нож, отточенный как бритва.

Моим первым движением было прыгнуть или вернее нырнуть между его ног, под кровать за своим ружьем, которое лежало там, где я его небрежно бросил. Однако, рассудок подсказал мне, что борьба с таким оружием в этом тесном помещении кончилась бы гибелью обоих. Храбрость хороша, конечно, но на своем месте, и сейчас я не собирался позволить ей заменить осторожность. Поэтому, протянув руку назад и чуть не сорвав с петель узкую дверь, я одним прыжком выскочил наружу, где я мог начать мирные переговоры с большой безопасностью.

Итак, мой хозяин был сумасшедшим! Однако, хотя перспектива остаться в его обществе была не из приятных, делать нечего. Полагая, что подозрение пастуха вызывает мой ковбойский костюм — пистухи коров и овец извечно враждуют между собой — я первым делом поспешил уверить его, что я тоже овечий пастух, возвращающийся к своему стаду из поездки в город. «Я направляюсь в Лос-Кебин, — заявил я ему, — чтобы снова пасти у Джона Окей».

Назвать имя Джона Окей, крупнейшего скотовладельца в штате, было совершенно достаточной рекомендацией среди пастухов и эта маленькая ложь тотчас успокоила моего странного товарища.

— Это хорошо, хорошо! — бормотал он, пряча свой ужасный нож. — Если бы вы были ковбоем, мне пришлось бы перерезать вам горло.

С этими словами он протянул мне свою вздрагивающую руку, которую мне не оставалось ничего другого, как пожать.

— Вы должны остаться здесь на всю зиму! — продолжал он. — Тогда, если эти проклятые найдут меня, мы сможем их всех перебить.

Я поблагодарил его и заверил в своем собственном глубочайшем презрении ко всему племени ковбоев. Тогда он, казалось, почувствовал ко мне доверие. Про себя я решил, однако, что удеру с первой же утренней трубкой.

Покуда же приходилось поддерживать хорошее настроение маньяка и до поздней ночи мы сидели и говорили об овцах, овцах и еще об овцах, пока он не вернулся опять

Судорожно зажатый нож тускло отражал блики огня.

Очерк специального корреспондента „Вокруг Света“ о современном Китае.

Вы, конечно, помните эти «Десять дней, которые потрясли мир», вы их даже сами переживали и в них участвовали. Ну, так вот: Китай сейчас переживает начало этих великих десяти дней... — может, первый, а может быть и второй день.

Н. Костарев.

...Я снова в Чапее.

Один. В первый тихий день после боев я решил его осмотреть, еще сохраняющие свежие раны героического вчера.

Утром еще совсем рано, я пробирюсь по Норд-Сечуанрод, — с иностранного селтельмента в китайский Чапей, — через кордоны и пикеты белой мунци пальной полиции; через заставы английских моряков и индийские войска, я пробирюсь все дальше и дальше и, наконец, попадаю в район, где охрана предоставлена исключительно японцам.

О, эти старые знакомцы — я их всегда уважаю: они умеют драться хорошо и жестоко. — На войне, как на войне!.. — Настоящие враги — острые и злые и совсем не слюнявые, как эти бездарные и длинноногие американцы.

Вот они ловкие и маленькие, в своих белых брезентовых крагах (точно сейчас с лубочных картинок русско-японской войны), с примкнутыми к винтовкам ножевыми штыками; зоркие сторожевые несут патрульную службу легко и красиво: в улицах огромного города так же хорошо ориентируются, как в лесу или в таежных сопках. В сомкнутом строю, в редкой цепочке или в одиночку, каждый солдат знает у них свою боевую задачу и за каким-нибудь камнем, за тумбой тротуара, за выступом стены, он ее выполнит до конца, до последнего своего патрона.

И вот сейчас прохожу через мост — японская застава: их пять. Кругом мешки с песком. Пулемет. На бамбуковой палке японское солнце. Все они смотрят не на меня — на свой штык. Прямо, сосредоточенно, механически. Прохожу. Не оглядываюсь. Но знаю отлично, что все они смотрят только на меня и видят хорошо и всяко: со всех сторон.

Они не говорят в таких случаях, не обмениваются мнениями. Они молча решают и молча сзади воткнут тебе штык. Если ты успел повернуться — то в грудь спереди: был бы только приказ или они что-либо заподозрили...

Ведь город на осадном положении.

Но вот минуя и их...

Парками прохожу на полотно железной дороги и сворачиваю в сторону Северного вокзала. Иду шпалами, тянутся заборы, разбитые и изрешетенные дома. Сгоревшие улицы.

Справа — русская церковь, сдавленная переплетами переулков, тесно нагроможденных китайских домов; она едва выбивается из них своими тремя куполами. Здесь, около нее, особенно много разбитых зданий: вот тут еще позавчера был ожесточенный ночной бой — отсюда наступала одна из повстанческих групп на вокзал и броневик.

На шпалах и у заборов — сгустки высыхающей крови... Окровавленная одежда... белье... но трупов уже нет. Убрали.

По стрелкам и сразу из-за поворота — вокзал. Этот самый Северный вокзал, который этими двумя днями и ночами боев теперь уже вошел в историю китайской революции.

Северный вокзал! — Его брали штурмом китайские красногвардейцы.

На путях к нему сейчас все еще лежат опрокинутые вагоны, взорванная площадка броневика... Оттянут к тупику смятый и поваленный серый пульмановский вагон, — штабной вагон броневика Чен-Дьян. Здесь нечаевцы делили свои последние десятидолларовые бумажки, выданные им перед тем, как убежать на селтельмент, адмиралом Пи-Шоу-Чен. Много из этих нечаевцев остались на путях и в броневике: они честно продались.

Прохожу вокзал: он сильно изуродован. Один из навесов над дебаркадером провалился. Ни одного целого окна. На перроне кучками трупы; их сейчас куда-то увозят санитары.

Но уже с той стороны началась жизнь: исправляют пути рабочие, с повязками красногвардейцев, маневрирует паровоз... Проходит отряд саперов к подорванному мосту.

И я сворачиваю от вокзала прямо в гущу кварталов Чапея: хочу пройти по следам этой стороны наступления рабочих отрядов.

* * *

Шагнул и... сразу запутался в лабиринте улиц; оглянулся и почувствовал: теряю ориентировку. А прошел еще два-три поворота и знал, что уже без провожатого обратно не выйду...

И так, не оглядываясь, решил итти дальше, все дальше, в самую глубь Чапея.

Стали попадаться кантонские солдаты. Прошло несколько человек раненых... Пронесли одного на носилках. Очевидно, где-то близко перевязочный пункт: двинулся за ними. Думаю — посмотрю... Но прошел несколько шагов и передумал: решил — увижу после... Но когда пошел назад, заметил, как вокруг меня и за мной стали собираться кучки любопытных и подозрительно посматривать...

Улыбаюсь и иду дальше...

Это мне уже начинает нравиться. Улица на страже революции, — а вдруг забрался какой-нибудь «империалист» с селтельмента...

Навстречу деловито и торопясь идет китаец с красной повязкой на левом рукаве. Он смотрит удивленно на меня, я смотрю на него и направляюсь к нему. Подхожу. Начинаю говорить: «...Я — специаль корреспондент...» Но он ничего не понимает. Улыбается и я улыбаюсь. Но нас окружают и кто-то из толпы ему сердито обо мне говорит. Тогда он приглашает меня итти за ним.

Мы идем. Толпа, по его знаку, отстает от нас. Мы доходим через какой-то переулочок до здания с гоминдановским флагом и длинной красной полоской бумаги с иероглифами. Я думаю — вот это, наверное, комиссариат.

В дверях он кого-то вызывает. Сверху по лестнице спускается к нам в шляпе и роговых очках молодой китаец. Я обрадовался: вот, думаю, поговорим по-русски — это же, наверняка, студент и, наверняка, из Москвы и сунятсеновец...

И когда он мне прямо ставит вопрос, теперь уже мне:

— Ю спик инглиш?

Я горестно развожу руками и говорю так же:

— Но («нет»)...

И вот с этого момента начались мои приключения по Джон Риду.

* * *

Оба китайца — и в очках и без очков — переглянулись и первый, т.е. в очках, пригласил меня следовать за ним. Мы пошли. Сбоку я посмотрел на него; это был совсем еще молодой парень с живыми и любопытными глазами, такими неестественно большими из-за очков.

Он на меня тоже посматривал немного настороженно и временами чуть улыбаясь. Когда я ловил его улыбку, он старался что-то мне объяснить: не то извиняясь не то укоряя в чем-то. Но он не жестикулировал и для меня слова его, лишённые образа и предметности, теряли всякий смысл. Я грустно молчал и думал о трагедии немого среди говорящих людей; о таинственных законах природы, породивших такое разнообразие рас, цвета кожи и такое совершенно исключительное звучание языка: у каждого народа — свое... И мне вдруг захотелось заговорить с ним так, чтоб он меня понял. Я вынул блок-нот. Остановился и знаком предложил своему провожатому смотреть, что я буду делать. Я быстро в блок-ноте нарисовал серп и молот. Под ними я написал по-английски — Москва. Я показал пальцем на эмблему, а потом на себя и сказал: — «Иго-ян», то-есть — это одно и то же...

Китаец улыбнулся. Быстро и дружелюбно закивал мне шляпой и двинулся дальше, ускоряя шаги.

На нас посматривали встречные: на его красно-синюю повязку и на мой европейский вид. Оборачивались: к нему довольные, ко мне — недружелюбные и даже злобные. Мы не встретили здесь ни одного европейца. Это было понятно, но это сгущало атмосферу. Я видел, как мой китаец волновался и все ускорял шаги. Его волнение заразило меня.

Но любопытство мое, очевидно, превышало, и я все время оборачивался по сторонам, спотыкаясь и останавливаясь. Но китаец мой торопился и даже нетерпеливо дотронулся до меня.

А кругом на разные лады шумел и звучал Чапай: толпа праздная и наэлектризованная событиями двигалась и кричала на всех улицах. Раздавались прокламации, шли летучие митинги и проходила манифестация.

Наконец, мы свернули в какой-то двор. Вошли. Широкий, большой, чистый... Прямо через него прошли к большому, легкой постройки, зданию. На крыльце стояло несколько китайцев в штатском — шляпах и неизменных очках. Когда мы подошли близко, у многих я увидел

в руках маузер и свертки бумаги; у некоторых револьверы были прицеплены к плечевому ремню. Это производило смешное и странное впечатление.

Мы остановились у крыльца.

Все сразу повернулись ко мне.

Мой провожатый стал им что-то объяснять и, раскрыв свою тонкую глянцевитую ладонь, ногтём другой руки начертил на ней советский герб и показал на меня. Все сразу заговорили со мной. Но я молчал; мне нечего было сказать. Одному из них, ближе всех стоящему ко мне, я дружелюбно и доверчиво улыбнулся. И кивнул головой, подтверждая свое согласие с провожатым, нарисовавшим серп и молот: эту мою немую характеристику.

Провожатого куда-то послали. А мне выразительно предложили войти в дом.

Я вступил на крыльцо. За мной сейчас же двинулись два с револьверами в одной руке и с папками в другой. Указали дверь направо. Я вошел. Небольшая комната, все работают, никто не оглянулся. Один из сопровождавших что-то сказал, тогда многие обернулись и я увидел среди них несколько китайцев, склоненных над большим черным столом: у всех у них были кисточки и они писали иероглифы. Тут же лежало несколько знамен: их дошивали и раскрашивали.

Большой, серьезный, совсем не улыбаясь, подошел ко мне и молча поставил стул.

Я сел, огляделся и сразу понял, что это, если выговаривать по нашему, будет политотдел какой-либо войсковой гоминдановской части. Но дальше, рассматривая, я понял, что это был скорее агитационный штаб повстанцев, или, по нашему-же, красногвардейцы. Кругом я не заметил ни одного солдата регулярной армии: здесь были одеты в синее или в штатское. И на стене был портрет только Сун-Ят-Сена. Чан-Кай-Ши не было...

Меня снова начали спрашивать.

Я что-то отвечал, но это было безнадежно.

Серьезный, большой китаец прекратил разговоры и что-то решительно сказал. Многие снова на меня посмотрели: — Потом один из вооруженных, — один из вошедших со мной сюда, — торопливо и совсем по чужому предложил куда-то идти с ним.

Мы вышли: на крыльце уже никто не улыбался. Проходя двор, я заметил, что меня приглашают идти несколько впереди: провожатый чуть отставал...

И когда мы вошли — все на меня. Окружили.

Из ворот мы сразу перешли улицу и вошли в другие ворота и совсем большой двор с цементной оградой и рядами барakov. В ближнем я увидел решетку и возле часового. В воротах тоже стояли часовые: один с винтовкой, другой с маузером. У обоих были на шее красные повязки; один был в штатском черном китайском, другой — в обмотках и военной синей куртке, с патронташем через плечо.

По диагонали двора мы перешли к фронтому огромного каменного здания, через ротонду подъезда вошли в глубокий, светлый, весь в бетоне вестибюль.

В широких дверях глянули два пулемета, и сразу же за ними — разнообразно одетые и вооруженные люди: расхаживают, разговаривают, помахивают оружием и возбужденно перекликаются. На полу — пулеметные ленты, ящики с патронами...

И когда мы вошли — все на меня. Окружили. Быстро и все заговорили. У меня весело и учащенно забилось сердце и неожиданно, каким-то изумительным толчком истории, я был переброшен в наш восемнадцатый год. Я находился в красногвардейском штабе.

Да, это был настоящий красногвардейский штаб.

Ну, и дальше было все, как и у нас в восемнадцатом году.

Кому-то закричали. Кто-то спустился сверху. Этот спустившийся сверху вошел в круг. Посмотрел на меня прямо и жестко. Я не опустил глаз. Я улыбнулся... Тогда он что-то сердито сказал. — И одно слово из этого я понял: это слово было «империалист»...

Мне это слово не понравилось и я стал его оглядывать: ну, это был наш кронштадтский матрос... — и лента пулеметная у него была через плечо и маузер в руках, и гранаты за поясом, и сдвинутая на затылок, хотя и не матроска, а кепка, но зато очень выразительная, и помахивал он своим зеленовато-черным маузером совсем дружелюбно.

И я еще пристальнее посмотрел ему в лицо: желваки его скул набухали и все оно, широкое и угловатое, было цементно просто и неподвижно. Передо мной было настоящее лицо революции. И это был совсем не китаец в шляпе и смешных роговых очках, это был китаец — питерский красногвардеец.

Я смотрел на него и у меня захватило дух...

Но эпоха, в которую я был неожиданно перенесен, властно заговорила своим языком: меня уже совсем бесцеремонно повернули и втолкнули в какую-то дверь.

И сразу все быстро завертелось.

Меня посадили в кресло. Двое красногвардейцев, вошедших за мной, стали возле и один из них весело и грубо — тот, что был совсем молодой и маленький — вскинул свой карабин на колено и, по-мальчишески, серьезно и угрожающе, похлопал по нему рукой.

Мне стало весело, я рассмеялся...

Тогда этот же самый молодой, приняв карабин к ноге, очень задорно и вызывающе ткнул на свою красную повязку на руке и показал на мой рукав, на котором ничего подобного не было...

Но я сейчас же, указав на его повязку, ответил довольный:

— Хо! (Хорошо).

Ну, тогда он совсем рассвирепел: он мне не поверил, он хитро засмеялся и два раза воскликнул:

— Но! Но!.. — и замотал отрицательно головой: знаем, де, мол, как ты сейчас готов все наше хвалить, империалист проклятый!..

Но вот кто-то из больших, серьезный, вошел в комнату и знаками спросил мои документы. Но у меня не было ни одного, т.е. буквально ничего: я нарочно, уходя в такое большое и рискованное путешествие очистил все свои карманы, зная, что мне придется проходить много иностранных кордонов. Ну, а там, за проволочными заграждениями, где была революция... Я как-то не подумал серьезно и о том, что я не знаю китайского языка, и о том, что там действительно революция...

Серьезный человек стал еще серьезнее и ушел снова.

Охранявшие меня красногвардейцы были рады. Тот, молодой, указал мне на китайца в европейском костюме; я сразу его как-то не заметил, когда вошел в комнату. Китаец был небольшого роста и очень взволнованно ходил в углу комнаты. Мы встретились глазами — в них был испуг и растерянность. А мой молодой красногвардеец, указывая на него, снова похлопал по карабину...

И мне стало совсем не по себе. Мне как-то все сразу «разонравилось». И я уже сам перестал теперь улыбаться. Я понял совсем ясно: «А, ведь, пожалуй, они и меня могут стукнуть по ошибке, они, такие хорошие, настоящие ребята»... И неожиданно, мне стало обидно из-за одной смешной детали: «Ах, чорт возьми! Ведь вот хлопнут в этом идиотском «империалистическом» костюме: в шляпе, воротничке и новых мягких полуботинках с носками в клеточку. То ли дело умереть в своей шкуре: в блузе и кожаной кепи... Так нет, вчера только — по настоянию друзей — из конспиративных соображений! — переоделся в этакое джентльмена»...

Но я не додумал глупой смешной мысли: вошли двое — тот первый, который спрашивал меня о документах, и второй с ним. Этот подошел и плохо, но все-таки по-русски, путаясь в английских и китайских словах, стал меня торопливо спрашивать. Вскоре он ухватился за два мои слова «советский журналист» и что-то подумав, хорошо и навстречу мне улыбнулся. Уцепившись за эти слова, он несколько раз их повторил, точно заучивая, соображая и запоминая... и, что-то сказав часовым, так же неожиданно и быстро убежал, как пришел.

А через минуту он уже вводил нового товарища, который, увидя меня, удивленно подошел и поздоровался: мы знали друг друга, там, на сеттельменте, и вот, неожиданно для обоих, встретились здесь...

Этот хорошо говорил по-русски и сразу все разъяснилось. Приведший его китаец весь расплылся в удовольствии и радости: он тоже пожал мне руку.

Мы выходили: спутники мои даже не посмотрели в сторону красногвардейцев, меня охранявших, они им даже не сказали ни слова. Но я все видел: конечно, красногвардейцы поняли ошибку... Но каково же было их удивление, и, пожалуй, разочарование от такой неожиданности. И когда я, уходя, оглянулся на них и, особенно дружелюбно, кивнул молодому и улыбнулся, он даже отвернулся от меня: так он был разочарован! Этот пылкий и хороший малый, настоящий красногвардеец восемнадцатого года.

Мы вышли, меня провожали сотни глаз. Но теперь, хотя с прежним любопытством, но уже дружелюбно. Этот китайский «кронштадтец» был тут же. Он тоже смотрел на меня: но он теперь мне кивал и улыбался...

Мне предложили осматривать дальше Чапей. Мне давали пропуск и провожатого.

Но я на сегодня уже насмотрелся. И когда мы вышли из штаба — потом я узнал, это был главный штаб восстания в Чапее — я, может быть, еще и передумал бы и двинулся дальше. Но уже солнца не было, надвигался туман и тут же заморосило и дохнуло сыростью и холодом.

Я решил — домой.

Этот товарищ, который выручил меня, не оставит меня и здесь: он сговорился с рикшей, усадил меня, дал ему вперед деньги, я не успел ничего сказать, — и прощаясь со мной — снял свою кепи.

Я не утерпел — и еще раз пожал ему руку. А потом я вынул блок-нот и спросил его фамилию. Он сказал. Тогда я попросил его написать ее у меня здесь, в блок-ноте, по-китайски...

Он написал.

Он случайно открыл блок-нот в том месте, где я нарисовал серп и молот. Под ними он «нарисовал» свою фамилию.

Вот сейчас этот блок-нот лежит у меня здесь, возле, и я смотрю на эти такие милые мне теперь закорючки.

Я простился с ним — большим и хорошим другом.

* * *

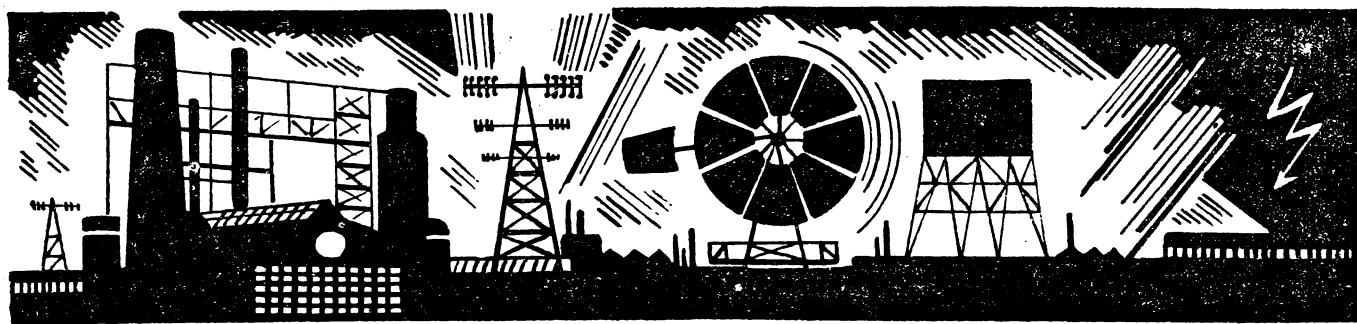
Сетка тумана и дождя.

Снова пикеты иностранцев и я на концессии.

Гулко ступает по мокрому асфальту рикша и тяжело дышит. Я бы уже давно сошел но боялся потеряться в тумане. А рикша меня доведет: ему сказано — куда.

И он довез. Он остановился у роскошного отеля. Я сначала не понял, а потом вышел... Оказывается, и это предусмотрел мой неожиданный и новый друг: от этого отеля был виден мой дом — он не хотел его «провалить» перед рикшей, а может быть и шпиками, которые могли за мной выйти из Чапая.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ БЫТА

Очерк М. ИЛЬИНА.

Рисунок Н. ДОРМИДОНГОВА.

Поступили в продажу механические слуги!

Каждый может выбрать по прейскуранту и выписать со склада какого-угодно слугу: механического лакея, механического швейцара, механическую кухарку.

Полная бесшумность! Гарантия на 10 лет! 24-часовой рабочий день! Никаких профсоюзов, никаких стачек!

Мистер Смит, фабрикант ножей в Бирмингэме, дочитав до этих слов, с досадой отбросил в сторону номер журнала и обратился к своему соседу, который поклеивал носом под мерный стук колес.

— Читали вы эту повесть о механических слугах? Что за нелепая фантазия у современных писателей. Взрослым людям преподносятся сказки для детей младшего возраста. Механические слуги! Будь у меня пара сотен таких автоматов, я знал бы, как поступить с проклятыми забастовщиками, которые принесли мне уже 100 тысяч убытку. Да я выбросил бы их за ворота без разговоров! Но, черт возьми, механические люди еще не изобретены, да и вряд ли будут изобретены. А пока неизвестно еще, что выйдет из всех этих стачек, профсоюзов, рабочих комитетов и прочей чепухи, которая тормозит развитие британской промышленности.

В ответ на этот маленький спич сосед мистера Смита промывал что-то неопределенное и снова погрузился в дорожную дремоту. А мистер Смит дрожащими от негодования пальцами развернул газету и углубился в чтение увлекательного отчета о биржевых сделках.

Прав ли мистер Смит?

Я позволяю себе утверждать, что этот почтенный и дальновидный джентельмен в данном случае проявил некоторую близорукость.

На его собственной фабрике в Бирмингэме механических рабочих гораздо больше, чем живых. Всевозможные машины — резальные, штамповальные, дыропробивочные — проделывают всю работу, которая когда-то велась ручным способом. Быстроходная паровая турбина приводит в движение динамо-машину, которая питает током множество больших и малых электродвигателей.

На каждую «человеческую силу» на заводе мистера Смита приходится пять механических «лошадиных сил». А так как лошадиная сила или л.с., как ее обозначают, равна десяти человеческим, то, значит, каждому живому рабочему помогает пятьдесят механических.

Если подсчитать, сколько во всем мире механических рабочих, получится сногшибательная цифра. Весь расход энергии на земном шаре составляет 120 миллионов л.с. в год, т.е. 1.200 миллионов «человеческих сил». При работе в три смены это составит 3.600 миллионов, а если принять во внимание дни отдыха, окажется, что

На земном шаре 4 миллиарда механических людей!

Чтобы заменить машинный труд ручным, понадобилась бы дополнительная армия рабочих в 4 миллиарда человек, т.е. в два с лишним раза больше, чем имеется людей на земле.

Чем дальше, тем быстрее растет механическое население земного шара. Каждый новый завод, каждая новая электростанция увеличивает его на тысячи и даже миллионы «человек».

Так, например, Волховстрой создал в каких-нибудь пять лет механическую армию рабочих в 1.200.000 человек.

Быстрыми шагами идет человечество к полной замене физического труда живых людей машинным трудом механических рабочих.

Машина работает лучше, точнее и скорее, чем человек.

На заводах Форда отдельные части автомобиля вырабатываются машинами с точностью до одной десятичной доли дюйма. Если бы люди уменьшились до размеров муравья, то и тогда они не могли бы достигнуть большей точности при ручной работе. Для проверки употребляется набор стальных калибров. Это ряд брусочков различной длины — в дюйм, пол-дюйма, четверть дюйма и т.д. Они так хорошо отшлифованы, что сдвинутые вместе бруски спаиваются, словно их склеили. Нужна сила в 33 атмосферы чтобы оторвать их друг от друга.

Эти калибры дают возможность измерить изделия с точностью до одной миллионной дюйма.

Но быстрота работы машин еще поразительнее, чем их точность. На заводе Форда в Ривер-Руже, где все делается машинами, бесформенные куски железной руды превращаются в готовый свежее-выкрашенный трактор в каких-нибудь 30 часов. А ведь трактор состоит из четырех тысяч частей!

Недаром говорят, что Форд выпускает с завода трактор горячим, не давая ему остыть.

Итак, мистер Смит неправ, если он думает, что механические люди еще не изобретены. Механические ткачи, кузнецы, слесари, стеклодувы, наборщики давно уже перестали быть фантазией. И не только в городе, в деревне механических работников становится с каждым днем все больше и больше. Машины пахут землю, молотят и веют зерно, машины доят коров, стригут овец и даже высиживают яйца. На смену крестьянскому двору и ферме идет «фабрика сельского-хозяйственных продуктов».

Но мистер Смит неправ и в другом отношении. Напрасно он думает, что механические рабочие податливей и покорнее живых.

Машине тоже нужна заработная плата.

Ее тоже надо кормить вдоволь, если хочешь, чтобы она работала хорошо.

Каждый год двигатели всего мира пожирают 800 миллионов тонн угля и 150 миллионов тонн нефти. Мировые запасы топлива быстро уменьшаются. Запасы нефти в Америке исчерпаны почти целиком, запасов угля в Англии хватит всего на пять десятков лет.

Не пройдет и ста лет, как весь земной шар будет охвачен угольным голодом. И тогда

Машины объявят всеобщую забастовку.

Огромные фабрики, производящие все, что нужно человеку — от французской булочки до океанского самолета — остановятся. На улицах городов погаснут электрические фонари. Поезда станут, пароходы заржавеют в гаванях, в воздухе не слышно будет привычного шума пропеллеров.

Длинные хвосты вытянутся у продовольственных складов. Получив после долгого ожидания скудный паек, люди будут возвращаться в темные и неотапливаемые жилища. Сыпной тиф и другие страшные болезни будут косить людей,

как траву. Весь мир переживает то, что мы пережили в 1919-м году, когда не было подвоза угля и нефти с юга.

Но, пожалуй, будет еще хуже.

У нас бедствие охватило не столько деревню, сколько город. Но через сто лет деревня будет так же нуждаться в топливе для машин, как и город. Возвращение к ручному труду в земледелии будет немыслимо, как и в промышленности. Поля и огороды при ручной обработке не смогут прокормить населения земного шара, выросшего во много раз.

Без механических рабочих человечество будет обречено на голод и вымирание.

• Так будет, если машины откажутся работать.

Но машины не откажутся работать! Этого нельзя допустить. Нужно найти другие источники энергии, кроме угля и нефти.

Повсюду вокруг нас неистощимые запасы энергии. Порыв ветра, морской прилив, молния, сверкнувшая в небе, ливень, с шумом пролившийся на землю; водопад, срывающийся с высоты; солнечный луч, ворвавшийся в комнату — все это может оживить, привести в движение валы и колеса машин.

Некоторой долей этих могучих запасов энергии человечество пользуется уже сейчас. На смену черному углю идет в первую очередь белый уголь — сила рек и водопадов. Этого «угля» на земле очень много — 750 миллионов лошадиных сил, т.е. в шесть раз больше, чем нужно промышленности и транспорту. Но самое замечательное — это то, что белый уголь неистощим. Его нельзя израсходовать, как нельзя израсходовать «неразменный рубль».

Уже сейчас белый уголь дешевле черного. Энергия Волховской электростанции обходится Ленинграду почти в семь раз дешевле энергии, доставляемой паровыми станциями Электротока.

А в будущем разница станет еще больше. Наступит время, когда люди поймут, что сжигать уголь в топках так же неразумно, как отправлять в печь столы и стулья.

Из угля добывается множество ценных красок, лака, химических реактивов. Уголь нужен для выплавки железа и других металлов. Расхищать его так, как это делалось до сих пор — преступление. Ведь страшно подумать, что за первые 20 лет двадцатого века угля сожжено было больше, чем за 100 тысяч лет перед этим.

Люди хозяйничают на земном шаре, как завоеватели в покоренном городе: грабь, тащи, сколько можешь! И так будет продолжаться до тех пор, пока делами будут заправлять хищники-предприниматели.

Советское правительство первое во всем мире приступило к разумной, обдуманной электрификации целой страны. В начале 21-го года делегатам, собравшимся со всех концов республики на Съезд Советов, была роздана книжка, которая носила смелое название:

план электрификации РСФСР.

По этому плану предлагалось в течение 10—15 лет покрыть всю республику сетью электрических проводов, несущих свет, тепло и силу. Всюду, где это возможно, электростанции должны работать на торфе, который гораздо дешевле каменного угля и, главное, на белом угле.

Таков был необычайный план, составленный Гоэлро — Государственной Комиссией по электрификации.

Прошло каких-нибудь шесть лет и книжечка, изданная Гоэлро, превратилась в целый ряд электростанций. Треть всей энергии, которую получает сейчас Ленинград, посылает ему Волхов, укрощенный по плану Гоэлро.

Белому углю принадлежит будущее и у нас, и во всем мире. Но запасы водяной силы не безграничны. Правда, этот уголь неистощим. Но спрос на энергию непрерывно увеличивается. Каждые десять лет расход топлива удваивается. Значит, уже в 1950 году понадобится не 120 миллионов лошадиных сил, а целый миллиард.

Такие огромные механизированные до последней степени заводы, как Фордовские, перестанут быть редкостью. И тогда

белого угля не хватит.

Но в уныние приходить не следует. Энергии вокруг нас сколько угодно. Падающий дождь мог бы дать в течение года работу в 700 раз большую, чем все реки и водопады. Ветер дал бы в 3.000 раз больше энергии, чем сжигаемый нами уголь.

Но и дождь и ветер нелегко приручить.

Ветряные мельницы изобретены, правда, давно, но полагаться на волю ветра, конечно, трудно. Недаром человечество от парусов и ветряных мельниц перешло к пару и электричеству.

Впрочем, за последние годы ветер опять выступает на сцену. На кораблях мы находим кое-где роторы — вращающиеся башни, которые заменяют первобытный парус. Ветряные электростанции появились там, где когда-то махали крыльями ветряные мельницы. Крылья этих ветряков приводят в движение динамо-машину, дающую ток. Пока ветер дует, ток запасают в сборнике-аккумуляторе, чтобы воспользоваться им в безветренную погоду.

Но такие ветряные электростанции не могут быть особенно мощными. На каждую лошадиную силу нужно целых 16 квадратных метров крыльев. Чтобы заменить Волховскую станцию, пришлось бы устроить ветряк с крыльями ни больше, ни меньше, как в шестьдесят десятин!

Роторные корабли и ветряные электростанции — первые признаки надвигающегося угольного голода. Если бы уголь не вздорожал, о ветре не вспомнили бы.

Дождь еще более ненадежный работник, чем ветер.

Много ли наработает фабрика, которая будет действовать только «после дождичка в четверг»?

Да к тому же «дождевой двигатель» еще не изобретен. Кроме дождя и ветра есть другие более постоянные и надежные источники энергии. Давно уже с завистью смотрят люди на неустанное движение волн в океане. Как укротить океан, заставить его работать на человека?

Много было предложено фантастических проектов, прежде чем заговорили серьезно об использовании силы морских приливов и отливов. По существу, это вещь вполне возможная. Около берега океана устраивают достаточно большой бассейн. Во время прилива он наполняется водой, во время отлива вода выливается через ворота и приводит в движение поставленные на ее пути водяные турбины.

Такие установки практикуются в приморских странах — в Англии и Франции.

При постройке «приливных» станций придется затратить колоссальные средства и преодолеть множество технических трудностей. Шутка ли —

поймать океан в западню и сделать его своим работником!

Но еще грандиознее другой проект обуздания океана, предложенный недавно знаменитым инженером Клодом. Этот самый Клод, который заряду с немецким ученым Габером, прославился изобретением аппарата для добытия азотных соединений из воздуха. Новый проект Клода поражает своей смелостью. Он предлагает превращать в работу теплоту океанской воды на тропиках, т.е. ту теплоту, которая кажется нам неуловимой, бесполезной. Всякому понятно, что теплота горящего угля может заставить работать паровую машину. Но как поверить Клоду, который утверждает, что из тепленькой водички можно добыть миллионы лошадиных сил!

А между тем, мысль Клода чрезвычайно проста. Тепленькую водичку можно заставить кипеть, превращаться в пар, без всякого подогрева. Для этого нужно только наполнить ею котел и из этого котла выкачивать насосом воздух. При уменьшенном давлении вода будет кипеть, даже при комнатной температуре. Пар низкого давления ничуть не хуже пара высокого давления, к которому привыкли техники. Он тоже может вращать колеса паровых турбин.

Значит, на электростанции Клода топливо совсем не будет расходоваться. Единственный расход энергии — это расход на выкачивание из всей системы пара и воздуха. Чтобы этот расход не был больше прихода, Клод предлагает большую часть пара не откачивать, а сгущать в холодильнике. А для охлаждения этого холодильника брать воду из глубины океана. Уже на глубине версты вода градусов на 20 холоднее, чем на поверхности.

Так по проекту Клода океан может быть превращен в грандиозный паровой котел.

Клод производит сейчас опыты на небольшой станции, устроенной на реке Сене. Если его план осуществится, в океане появятся новые острова — грандиозные электростанции, каждая мощностью в 200 тысяч лошадиных сил.

Но откуда все-таки думает Клод брать эти тысячи лошадиных сил? Что заменит на его станции топливо? Ответ может быть только один:

источник энергии и здесь, как и всюду на земле, — солнце.

Солнечные лучи согревают воду на поверхности океана и создают ту разницу температур в двадцать градусов, без которой Клод не мог бы получить и одной лошадиной силы.

Вся энергия, которой мы пользуемся, получается нами от солнца.

Дрова — это энергия солнечных лучей, накопленная деревом во время его жизни. Солнечный луч, попадая в лабораторию зеленого листа, производит там удивительную работу — превращает углекислоту, т.е. сгоревший уголь, в уголь, который снова может гореть.

Каменный уголь — это остатки деревьев, живших за миллионы лет до нас.

Реки и водопады поддерживаются в непрерывном движении тем же солнцем, которое испаряет воду в океанах и морях и превращает ее в тучи.

Но если солнце первоисточник энергии на земле, то почему бы не построить солнечную машину, машину, которая превращала бы солнечное тепло в работу без всяких посредников.

Ведь это было бы невероятно выгодно!

Луч солнца, осветивший на секунду десятину земли, приносит с собой 20 тысяч лошадиных сил. Но люди до сих пор не пользуются этим безграничным богатством, хотя было уже несколько попыток построить солнечную электростанцию.

В Ассуане около Каира американский инженер Шуман построил станцию, получающую энергию непосредственно от солнца. Огромные вогнутые зеркала собирают солнечные лучи и направляют их на паровой котел. Зеркала медленно поворачиваются, следуя за движением солнца. Поэтому снопы лучей, отражаемых ими, всегда неподвижны и направлены на стенку котла.

Мощность установки может быть доведена до 170 лошадиных сил на десятину земли, занимаемую зеркалом. Электрическая энергия обходится в два с лишним раза дешевле, чем добываемая в обычных установках.

Современем расположенные в жарком поясе пустыни превратятся в густо населенные области.

Солнечные машины будут давать столько энергии, что ее с избытком хватит на орошение полей и даже на производство искусственного льда.

Солнечный зной, который губит сейчас в пустыне все живое, будет побежден человеком и даст ему и пищу и прохладу.

Здесь, в жарком поясе, будут расположены самые мощные солнечные электростанции мира. Отсюда электрическая энергия будет рассылаться по проводам, а может быть, и без проводов по всей поверхности земного шара.

На земле не будет недостатка в энергии до тех пор, пока не погаснет солнце.

Но скоро ли оно погаснет? Откуда берет оно свою энергию и когда ее израсходует?

Если бы теплота солнца поддерживалась только горением, оно сгорело бы в каких-нибудь три-четыре тысячи лет. Но природа гораздо экономнее людей, которые сжигают все, что попадется под руку. Миллионы лет тому назад солнце так же светило и грело, как и сейчас.

Было высказано множество предположений о том, почему солнце горит и не сгорает. Одни говорили, что теплота солнца поддерживается потоками метеоров, падающих на него из пространства. Падение метеора величиной с нашу землю может продлить жизнь солнца на сто лет. Но такого большого потока метеоров, какой нужен был бы по расчетам, не существует. Повидимому, дело не в метеорах.

Другие ученые считали, что теплота солнца поддерживается его непрерывным сжатием. Каждые сутки, утверждают они, диаметр солнца уменьшается больше, чем на поларшина.

Но мерить солнце аршином мы еще не научились, так что проверить это предположение трудно. Да и срок жизни солнца, который подсчитан, исходя из этого предположения, слишком мал.

Есть еще одна гипотеза и, пожалуй, самая правильная. Источник энергии солнца — распад атомов.

Энергия, которая освобождается при взрыве, разрушении атома, колоссальна. Один грамм водорода, если его взорвать так, чтобы он разлетелся на части, дал бы больше энергии, чем два вагона каменного угля.

Искусственное разрушение атомов — это не мечта, а завоевание современной науки. Английскому ученому Резерфорду удалось добиться распада атомов ряда химических элементов, подвергая их бомбардировке лучами радиоактивного вещества — радия.

Принципиально вопрос решен. Когда он будет решен практически, каким колоссальным запасом энергии мы овладеем. Каждая вещь, которую мы считаем теперь безжизненной, окажется источником огромной мощи. Величина наших двигателей уменьшится до микроскопических размеров. Путь, который прошел двигатель от громоздкой паровой машины к легкому автомобильному мотору, закончится когда-нибудь крошечным двигателем, величиной с карманные часы. **В жилетном кармане можно будет носить целую электростанцию.** Энергии будет так много, что ее некуда будет девать. Ее хватит не только на электрификацию нашего мира, но и на электрификацию других миров.

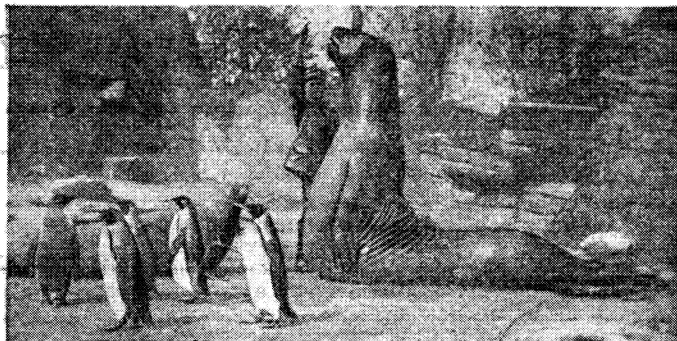
М. Ильин.

МОРСКИЕ СЛОНЫ

Знаменитый германский зоопарк Гагенбека получил недавно партию из 5 морских слонов. Эти ставшие уже редкими, звери впервые приехали в Европу живыми. Они населяют главным образом небольшие острова Южного Ледовитого океана и сотню лет тому назад встречались даже на южных берегах Америки; оттуда их вытеснили охотники, промышляющие тюленей.

Морской слон, как видно по фотографии, неуклюжее животное, напоминающее наших тюленей, с которыми они сродны и по образу жизни. Массивное жирное тело достигает у самцов до 7 метров длины и покрыто короткой желтобурой шерстью; нос вытянут в небольшой подвижной хобот; ноги превращены в ласты. Весною, в августе слоны выходят из моря на берег для произведения потомства и остаются здесь до осени (февраль); в это время их обычно бьют охотники. Охота не составляет труда, так как звери не пугливы и неповоротливы. Взятые в не-

волю они довольно быстро привыкают и только несколько прихотливы в пище: едят только свежую рыбу.

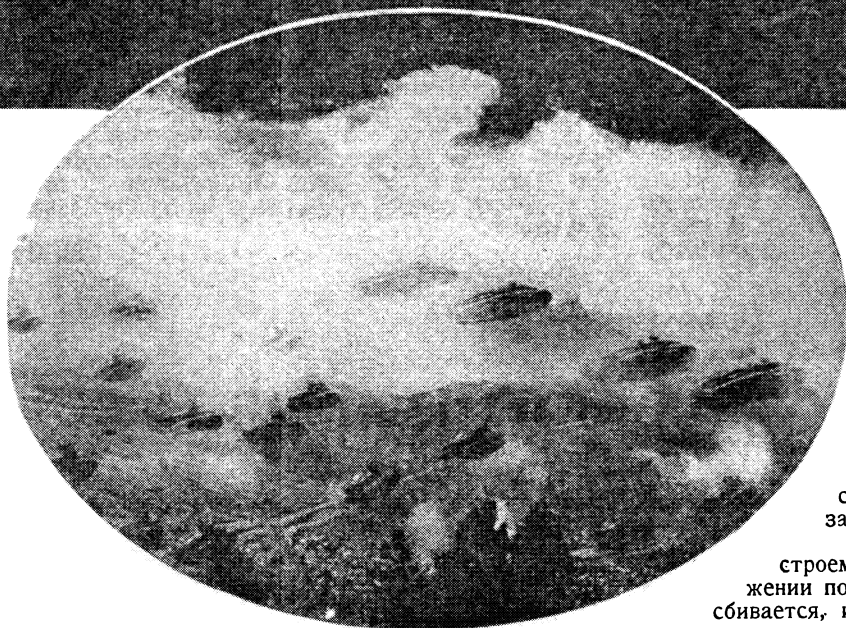
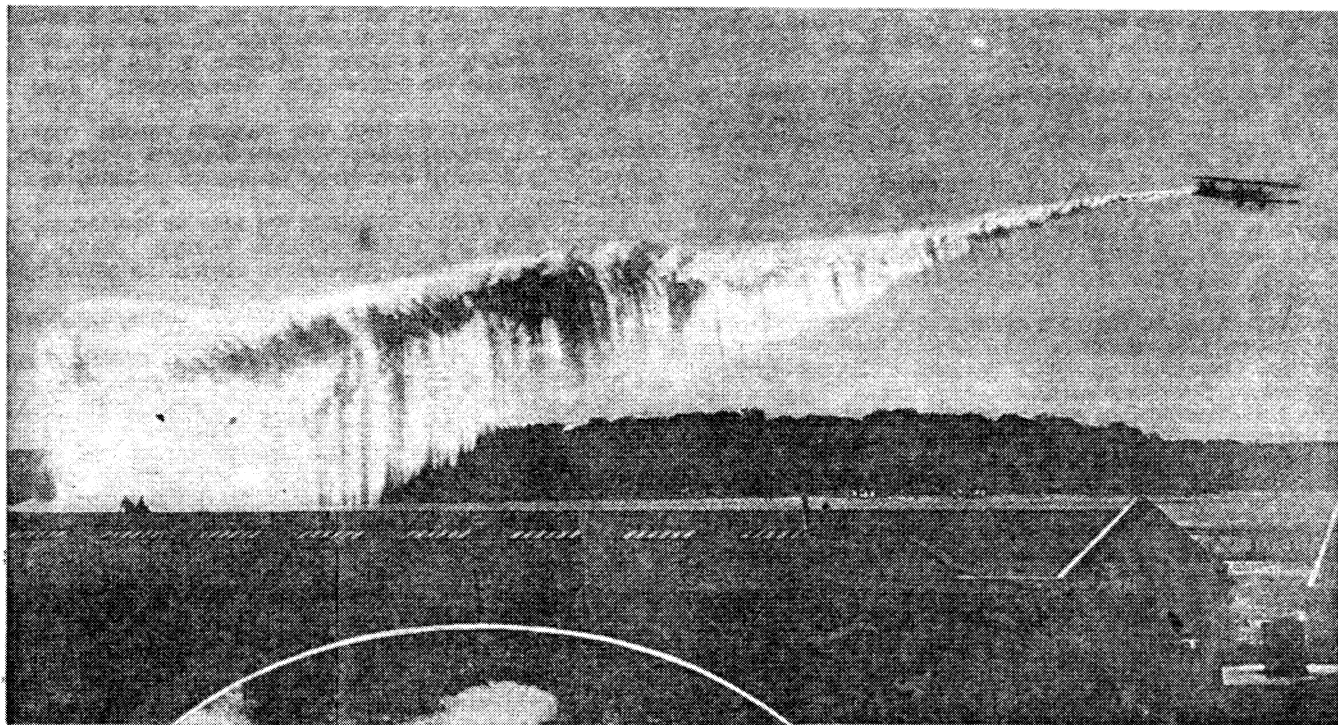
Морской слон „Голиаф“ и пингвины в зоопарке Гагенбека.

КАРТИНКИ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

Верхний рисунок. Аэроплан, с помощью особого приспособления, выпускает длинную дымовую ленту, образующую т. наз. «дымовую завесу», которая служит для маскировки действий авиации, для обеспечения внезапности ее нападений. В будущей войне дымовые завесы, как средство маскировки вообще и, в частности, авиации, несомненно, будут иметь очень широкое применение, причем изображенный на нашем

этим работу следующей за ними пехоты, сопровождаемой легкими танками.

Позади тяжелых танков, во второй линии идут легкие танки „Рено“, „танки сопровождения“, назначение которых — развитие успеха тяжелых танков, путем глубокого проникновения в район прорыва, и помощь своей наступающей пехоте.

снимке метод образования завесы явится, по мнению специалистов, особенно распространенным.

Нижний рисунок. На нашем снимке, сделанном на последних американских маневрах, мы видим наступление танкового отряда. Впереди (движение происходит слева направо) движутся четыре тяжелых танка, так называемые «танки прорыва», предназначенные для вторжения в неприятельскую укрепленную полосу. Тяжелые танки, это — большие, тяжелые машины, весящие 30 и больше тонн, вооруженные 57 мм скорострельными пушками и пулеметами и снабженные толстой стальной броней.

Тяжелые танки, обыкновенно, действуют против сильно укрепленных оборонительных сооружений противника. Двигаясь впереди атакующих войск, они легко преодолевают проводочные заграждения и иные искусственные препятствия, вторгаются в передовые неприятельские окопы и облегчают

легкие танки имеют по одному пулемету или скорострельному орудию во вращающейся башне. Они прилагаются мелкими соединениями, „взводами“, наступающим пехотным частям и ведут бой совместно с ними, способствуя своим огнем на ближних дистанциях успешному продвижению вперед и в то же время пользуясь прикрытием пехоты для обеспечения успешности своей работы. Долг пехоты — не допускать, чтобы хотя один из танков, действующих совместно с нею, был захвачен врагом. Если танк, утративший боеспособность, окружен и атакован пехотой противника, своя пехота должна сделать все от нее зависящее для выручки танка.

Танки идут в бой обычно „газвернутым строем“, т. е. в линию, но, конечно, при движении по пересеченной местности линия эта легко сбивается, и на нашем снимке, например, мы видим танки в виде волнистой линии.

Подойдя к противнику, примерно, на 100-120 метров, танки, не останавливаясь, открывают огонь. Танки, выполнившие свою боевую задачу, отводятся в тыл настолько далеко, чтобы они были в состоянии, без помехи со стороны неприятеля, произвести необходимый ремонт, пополнить запас „горючего“ и огнестрельных припасов. Важно дать еще возможность отдохнуть персоналу, обслуживающему танки: высокая температура внутри танков, качка, тряска, шум мотора и чрезвычайно трудные условия наблюдения за противником в узкие щели, — все это быстро утомляет экипаж танка и изнашивает его нервную систему.

Танковое строительство на Западе идет очень быстрым темпом. Строятся и тяжелые, и легкие танки, и в будущей войне мы увидим атаки целых туч танков по несколько сот штук. Понятно, не спим и мы.

С. Бартенев.

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

БОЛЬШОЙ, ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВ.
ИЛЛЮСТРИРОВАНН. ЖУРНАЛ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1928 г.

НА

1928 г.

ПОДПИСЧИКИ НА ЖУРНАЛ ПОЛУЧАТ:

I.

52 номера журнала, богато иллюстрированы и заключающие в каждом номере до 35 снимков, отражающих все явления жизни и быта СССР, Европы и Заокеанских стран; рассказы, стихи и очерки лучших современных беллетристов, поэтов, критиков и публицистов.

Каждый номер «Красной Панорамы» заключен в трехкрасочную обложку лучших русских современных художников.

II.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ — В 1928 ГОДУ:

ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ

полного собрания сочинений знаменитого американ. писателя

БРЕТ-ГАРТА

Брет-Гарт — один из оригинальнейших писателей конца 19-го и начала 20-го века. Главные персонажи произведений Брет-Гарта — приисковые рабочие и бездомные труженики, измерявшие в поисках счастья огромный материк Северной Америки. В его рассказах они становятся подлинными героями, бурные страсти, благородные поступки и огромное великодушие которых он несомненно изучал в действительности и с ними может быть переживал их тревоги и чувства.

К первому тому Брет-Гарта будет приложен портрет его, напечатанный на веленовой бумаге и вступительная статья с подробной биографией писателя и характеристикой его произведений.

Каждый том будет заключен в цветную обложку с портретом автора.

III.

ДВЕНАДЦАТЬ КНИГ

ежемесячного журнала с иллюстрациями „Ежемесяч. Литературы, Искусства и Наук“ содержащего рассказы и повести лучших современных русских и иностранных авторов, стихотворения, популярно-научные и критические статьи, отделы библиографии, шахмат и шашек, спорта, задач и разных игр.

IV.

ДВЕНАДЦАТЬ НОМЕРОВ

ежемесячного журнала

„ИСКУССТВО ОДЕВАТЬСЯ“

журнал современной моды с многочисленными (около 350) иллюстрациями дамских, мужских и детских костюмов, образцов белья и рукоделия.

В каждом номере журнала будут помещаться образцы белья, рукоделия и одна большая выкройка сезонного платья или костюма со всеми к ней объяснениями и указанием материала, из которого данная вещь может быть сделана. В каждом номере журнала будет отдел полезных советов в области домашнего хозяйства и большой отдел переписки с читателями.

Журнал „Искусство одеваться“ будет заключен в обложку, напечатанную в три краски на лучшей слоновой бумаге.

V.

ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Льва Николаевича ТОЛСТОГО

(К столетию со дня его рождения)

Исполненный на слоновой бумаге в три краски, размером в одну восьмую печатного листа работы Ильи Репина.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1928 ГОД:

с приложениями БРЕТ-ГАРТА, „ЕЖЕМЕСЯЧНИКА ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА и НАУКИ“, журнала „ИСКУССТВО ОДЕВАТЬСЯ“ и портрета Л. Н. ТОЛСТОГО:

На 1 год 12 руб. На 6 месяцев . . 6 руб. 50 коп.

Для год. подписч. рассрочка платежа

При подписке . 3 руб. | К 15-му июня . . 3 руб.
К 15-му марта . 3 » | К 15-му сент. . . 3 »

Без приложений:

На 1 год . . 4 р. — к. | На 3 мес. . 1 р. 10 к.
На 6 мес. . 2 » 20 » | На 1 мес. . — » 40 »

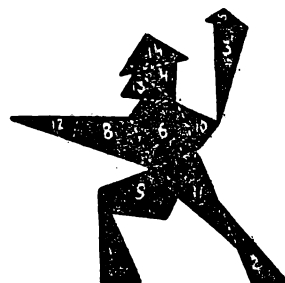
Цена отдельного № 10 коп.

Заказы и деньги направлять: Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Главная Контора
Издательства „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

В 1928 году цена отдельного № журнала в рознице 10 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Всеми почтово-телеграфными конторами и отделениями СССР, всеми отделениями центральных издательств „Известий ЦИК СССР“, „Правда“ и „Рабочая Газета“, всеми экспедициями печати, всеми уполномоченными и киосками Контрагентства Печати; 2) В Московском Отделении „Красная Газета“ — Москва, Советская площ., 34, — специальными уполномоченными снабженными соответствующими удостоверениями: В Ленинграде — Организаторами подписки Газетного Бюро на фабриках и заводах и учреждениях, а также в отделении „Красной Газеты“, Пр. 25 Октября, 68. По Сев.-Зап. области — отделениями „Красной Газеты“ и „Ленинградской Правды“.

НАШ ВТОРОЙ КОНКУРС „СТОМАХИОН“

Бойцы

П. БРИК

(Таганрог)

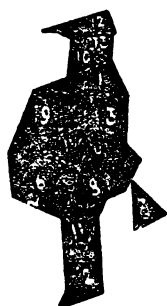
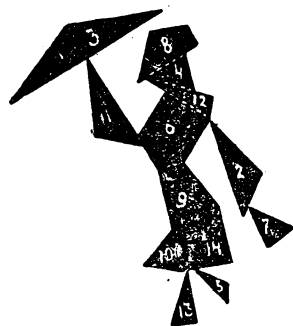
получает четвертый приз по нашему
второму конкурсу:

Гайдамак

Намаз

Буржуазная семейка

КОШЕЛЕК-ПОРТМОНЭ ИЛИ

Годовая подписка на журнал „ВОКРУГ СВЕТА“ с приложениями на 1928 год.

*В № 22 будут указаны номера билетов, на которые пали выигрыши
по третьему розыгрышу наших премий.*

Издатель: „Красная Газета“

РЕДКОЛЕГИЯ: Г. Григорьев, Е. Лавров, А. Лебеденко, Г. Ржанов, П. Чагин.

ЛЕНИНГРАД, проспект Володарского, д. № 59/у.

ВЫДЕРЖКА ИЗ КАТАЛОГА НАШЕГО МАГАЗИНА:

Книги по радио

Проф. И. Г. Фрейман. Курс радио-техники. Ц. 6 р. Я. Файвум. Радио-техника, ее достижения и практич. применение. Ц. 40 к. Проф. А. Петровский. Радио-техника. Ц. 1 р. Г. Парр. Основы и практика радио-сообщений. с 21 рис. Ц. 1 р. Джон Миллс. Письма радио-инженера своему сыну. Ц. 50 к. Г. Мальгорн. Общедоступная радио-телефония и радио-телеграфия, с 156 рис. Ц. 1 р. 75 к. Пьер Люи. Пустотные лампы в радио-технике. Ц. 85 к. Карманный справочник радио-любителя. Ц. 1 р. Е. Зеликов. Радио и наука. Ц. 1 р. 25 к. С. Еллиньск. Несчастные случаи при пользовании радио-установками. Ц. 85 к. Ф. Дитше. Кожнаги, антенны и рамки. Ц. 55 к. Гюнтер и Фукс. Радио для всех. Ц. 2 р. Ганс Гюнтер. Книга о радио. Ц. 1 р. 85 к. Утопия и действительность в радио-технике. Ц. 50 к. А. Цеман. Любительская передающая радиостанция. Ц. 70 к. И. Эррман. Техника радио. Ц. 80 к. Норман Эдвардс. Радио для всех. Ц. 1 р. Яблоновский, Н. Радио-телеграф и телефон. Ц. 50 к.

Радио-библиотека. Под ред. инж. Турлыгина. I и II циклы в 12 выпусков. Ц. 8 р. 40 к. Все книги с многочисл. рис., чертежами и схемами. Отдельно 1-й вып. Гартман. Основные сведения по электротехнике, необходим. радио-любителю. Ц. 65 к. 2-й вып. Попов. Основания радио-техники в общедост. изложении. Что нужно знать о радио. Ц. 65 к. 3-й вып. Лертез. Школа радио-любителя. Ц. 85 к. 4-й вып. Неслер и Крюгер. Самодельные радио-приборы. Ц. 50 к. 5-й вып. Хайкин. Физические основы радио-техники. Ц. 80 к. 6-й и 9-й вып. Конашинский. Радио-прием и радио-приемн. устройства. Ц. 1 р. 7-й вып. Конашинский. Радио-передача. Антенны и ламповые генераторы. Ц. 90 к. 8-й вып. Пшаков. Радио-телефония. Ц. 1 р. 10-й вып. Львова. Радио-измерения. Ц. 40 к. 11-й вып. Строганова. Радио-формулы, таблицы и номограммы. Справочник радио-любителя. Ц. 1 р. 12-й вып. Беркман. Ошибки и недостатки в радио-практике и их исправление. Ц. 40 к.

Листов 600 вопросов и ответов. Справочник радио-любителя, с 181 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Книги по шахматам

Календарь шахматиста. Ц. 1 р. 25 к. Боголюбов, Е. Избранные партии. Ц. 2 р. **Его же**. Избранные партии Чигорина. Ц. 2 р. 50 к. Левенфиш, Г. Первая книга шахматиста. Ц. 1 р. 60 к. Маршалл, Ф. и Мэкбет, Г. Шахматы. Шаг за шагом. Ц. 1 р. 70 к. Д-р Тараш, С. Современная шахматная партия. Ц. 2 р. 80 к. Нью-Йоркский матч-турнир. 1927 г. Сборник партий. Ц. 1 р. 80 к. Шахматист. Справочник любителя и записная книжка. Ц. 2 р. Ласкер, Э. Мой матч с Капабланкой. Ц. 50 к. Тартаковер, С. Ультра-современная шахматная партия. ч. I, 2 п. 2 р., ч. II, ц. 1 р. 75 к., ч. III, ц. 1 р. 75 к., ч. IV, ц. 1 р. 75 к. Зноско-Боровский, Евг. Теория середины игры в шахматах. Ц. 1 р. 80 к. Капабланка, Х. Основы шахматной игры. Ц. 1 р. 80 к. **Его же**. Моя шахматная карьера. Ц. 1 р. 50 к. Куббель, Л. 150 шахматных этюдов. Ц. 1 р. 90 к. Ласкер, С. Учебник шахматной игры. Ц. 3 р. в перепл. Шифферс, Э. Самоучитель шахматной игры. Ц. 3 р. 50 к. Тартаковер, С. Освобожденные шахматы. Ц. 2 р. 50 к. Грохлин, Я. и Тигранов, Ф. Учись шахматам. Ц. 1 р. 50 к.

Книги по физкультуре

Физическая культура пролетариата в СССР. Ц. 1 р. 60 к. **Шеманский, А.** Как стать хорошим пловцом. Ц. 40 к. Ручной мяч и итальянская лапта. Ц. 50 к. Руководство для бега на лыжах. Ц. 20 к. Теория и практика физических упражнений. Ц. 2 р. 60 к. 100 игр юных пионеров. Ц. 35 к. **Шеманский, А.** Плавательные игры, игра в большой мяч на воде вплавь. Ц. 40 к. Общедоступная повседневная гимнастика. Ц. 30 к. **Дюпперон, Г.** 80 уроков гимнастики. Ц. 1 р. 60 к. **Краевский, Б.** Пособие для начальной постановки подтяжки. итр. Ц. 30 к.

Футбол. „Association, правила, история, тренировка, тактика, игра. Ц. 85 к.

Bourlet, C. Велосипедный велодром. Руковод. и теория вело-спед. игры. П. 1 р. **Мюллер, И.** Пять минут в день, гимнаст. упражн. для развития и сохран. физич. силы и здоровья. П. 80 к. **Его же.** Моя система для дам. П. 1 р. 50 к. Массовые спортивные упражнения. П. 40 к. **Лысенков, Н.** и **Сипельников, Е.** Анатомо-физиологические основы физич. культуры человеческого тела. П. 2 р. **Мюллер, И.** Гигиенические советы. П. 1 р. **Физическое оздоровление и воспитание молодежи.** Цена вместо 2 р. 25 к. — 1 р. 50 к. **Мюллер, И.** Моя система для детей. П. 90 к. Вопросы физи-

ческой культуры. Ц. 1 р. 50 к. Белопольский, О. и Дюперрон, Г. 75 уроков гимнастики. Ц. 1 р. 30 к. Подвижные игры. Руководство для родителей, воспитателей и самих учащихся, с 81 рис. Ц. 4 р.

Потапова, А. Система ритмической гимнастики, как способ укрепления и развития женского бюста, с 23 рис. Ц. 1 р.

Булатов, И. и Розанов, И. Лето, спорт, прогулки, экскурсии, наблюдение природы, клуб. Ц. 80 к. Гданский, Л. Спортивные игры. Ц. 30 к.

Популярная медицина, половой вопрос и лекарственные растения

Д-р Плосс, Г. Женщина. Том I и II. Ц. 7 р. в пер. Кольцов, Н. Улучшение человеческой породы. Ц. 30 к. Д-г Bюш История проституции. Ц. 4 р. Мольков, А. Пипа, ее значение для здоровья. Питание трудящихся. Ц. 30 к. «Омоложение» в России. Сборник статей. Ц. 1 р. 50 к. Сагурский, Л. Здоровье и брак. Ц. 70 к. Маргаритов, В. Учение о приготовлении и действии лекарств. Ц. 2 р. Jeanne Leroy-Allais. Беседы матери с дочерью. Ц. 40 к. Вейнгер Отто. Пол и характер. Ц. 2 р. 50 к. Д-р Михайлов. Борьба с онанизмом в семье и школе. Ц. 40 к. Комаров, В. Сбор. сушка и разведение лекарств. растений в России, с 43 цветн. таблицами. Ц. 2 р. 50 к. Форель, Авг., проф. Половой вопрос. Том I и II. Ц. 4 р.

Как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборту, по д-ру Дрекслеру. Изд. 1927 г. Ц. 1 р. 20 к.

Д-р Хачатрян, В. Что должны знать сердечные больные и артериосклеротики. Болезни сердца и сосудов, их предупреждение и лечение, с рис. Ц. 60 к.

Жаринцова, Н. Объяснение полового вопроса детям. Ц. 90 к.
Бок, К., проф. Книга о здоровом и больном человеке, настольная
книга и руководитель семьи. 2 тома. Ц. 5 р. Бертенсон, Л. Физи-
ческие поводы к прекращению брачного союза. Ц. 8 р.

Emmet Holt, L. Уход и выкармливание детей. Ц. 75 к.

Платен. Новый способ лечения. 3 тома. Ц. 15 р. Коссман, Р. проф. и Вейсс, Ю. Здоровье, его сохранение, расстройств и восстановление. Настольная книга для семьи. 4 тома, с 2 раскрашен. и 2 чер. таблиц. и 56 рисунк. в тексте. Ц. 15 р. Жук, В. Н. Мать и дитя. 1 том. Ц. 8 р.

Половая холодность женщины. Д-ра Якобзона. Иэд. 1927 г.
Ц. 2 р. 25 к.

Д-р Мезерницкий, П. От теории к жизни. Этюды по поводу
806 препаратов Эрдиха. П. 65 к.

РЫТОВ, М. В. Русские лекарственные растения. Том I и II,

Рытов, М. В. Русские лекарственные растения. Том I и II, с 111 рис. в тексте. Ц. 3 р. Осипий, А. Контрацепция и контрацептивы (предупреждение беременности). Ц. 1 р. Д-р Мошин, Л. Беременность и роды. Попул. излож. физиологии и диет. беремен. рождени, родильниц и новорожденных. Ц. 1 р. Проф. Парин, Н. Сон и его значение. Ц. 60 к. Уход за зубами и полостью рта. Ц. 60 ч. Д-р Розенбаум, А. Мальтузанизм и деторождение. Ц. 1 р. О диетическом значении кислого молока проф. Мечникова. Ц. 60 к. Петров, В., проф. Советы врача беременным и матерям. Ц. 40 к. Проф. Словцов, Б. Питание и работа. Ц. 20 к. Бехтерев, В., акад. Биологическое развитие мимики. Ц. 50 к. Проф. Черни, А. Врач, как воспитатель ребенка. Ц. 50 к.

Д-р Лион, М. Самооборона организма в борьбе с болезнями, способности организма противостоять болезням и исцеляться и средства, предлагаемые соврем. наукой для избавления от них. Ц. 1 р.

Д-р Саркисов-Серазими, И. Моря и реки, как источник заболеваний. Т. 65 к. Сабини, А. Проститутки, сифилис и венерические болезни. Половое воздержание, профилактика проституции. Ц. р. Андреев, Б. Главнейшие лекарственные препараты. Ц. р. Сборник заготовок. Ц. 1 р. Иванов, В. Сбор, сушка и хранение лекарственных растений. с 19 рис. в тексте и 44 рис. в красках на отд. таблицах. Ц. 1 р. Д-р Skutetzky. Новые лекарственные средства во врачебной практике. Ц. 2 р

БОЛЬШОЙ ВЫБОР УЧЕБНИКОВ ДЛЯ ВУЗОВ И ШКОЛ I И II СТУПЕНИ.

КАТАЛОГ КНИГ по всем отделам **12.000** названий, 176 страниц, высылается за 30 коп. (почтовыми марками). **ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГ.**

Громадный подбор книг по всем отраслям техники, литературы и всем др. знаниям прежних и новейших изданий.
ЦЕНЫ БЕЗ ПЕРЕСЫЛКИ. ♦♦♦ ИМЕЕТСЯ ГРОМАДНЫЙ ВЫБОР СТАРЫХ ИЗДАНИЙ.

Заказывать можно все книги, опубликованные и другими московскими и ленинградскими магазинами по их ценам.

Книги высылаются с наложенным платежом БЕЗ ЗАДАТКА. Свыше 10 рублей необходим задаток 25% стоимости заказа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г.

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

52 НОМЕРА ЖУРНАЛА

24 КНИГИ ПРИЛОЖЕНИЙ каждая размером от 6-ти до 10-ти печатных листов.

4 РОЗЫГРЫША ПРЕМИЙ: (ВЕЛОСИПЕДЫ, РАДИО-АППАРАТЫ, ОХОТНИЧЬИ РУЖЬЯ и т. п.),

3 КОНКУРСА

Подписная цена с приложениями и участием в розыгрыше премий:

На один год	8 р. — к.	На три месяца	2 р. 20 к.
На шесть месяцев	4 р. 20 к.	На один месяц	— р. 80 к.

Годовым подписчикам, адресующимся прямо в издательство — рассрочка:

При подписке — 2 руб., к 15-му марта — 2 р., к 15-му июля — 2 р. и к 15 сентября — 2 р

Подписная цена на один журнал без приложений:

На один год	4 р. 50 к.	На три месяца	1 р. 25 к.
На шесть месяцев	2 р. 30 к.	На один месяц	— р. 50 к.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ

Все приложения на 1928 г. разбиваются на три отдела: первый отведен спорту, охоте, ознакомлению с родной и чужой землей; второй целиком занят серией книжек «По суше, морю и воздуху»; третий заполнен романами и повестями лучших эгграницных авторов.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ (6 книжек)

Рыболов-любитель. (Увлекательный очерк Лесника о рыбной ловле, с рядом практических советов и указаний). **Озерный край.** (Краеведческие очерки СССР. Книжка осветит своеобразие природы и особый уклад жизни нашего озерного края). **Наш спорт.** (Записная книжка спортсмена на 1928 г.). **Современная Америка.** (Альбом картин и видов, иллюстрир. жизнь американцев в наше время). **Три океана.** (История Великого (или Тихого), Атлантического и Индийского океанов, равно как их современное значение в международной жизни). **Умелою рукой.** (Что может каждый сделать у себя на дому самыми простыми инструментами).

ВТОРОЙ ОТДЕЛ:

„ПО СУШЕ, МОРЮ и ВОЗДУХУ“ (6 книжек).

Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира. В 1928 году в эту серию войдут книжки **Флеровского** «В страну безмолвия». **А. Лебедеико** «Великие перелеты». **А. Гейе** «Он искал приключений». **Де-Вере-Стэкпул** «У тропиков». **Ж. Тудуз** «Пробудитель вулканов» и друг.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ (12 книжек)

Увлекательные романы и повести видных европейских писателей

К. Хайн: «Новые приключения капитана Кэтли». (Нашим читателям хорошо известен этот автор, который дает здесь ряд новых приключений своего героя). **З. Грей.** На дальнем Западе. (Автор — наток американской жизни и дает на романтической основе отчетливый образ любопытной и странной для нас жизни). **Е. Д. Биггерс.** «Дом без ключа». (Детективный роман. В тропической обстановке Гавайских островов разыгрывается увлекательная борьба вокруг загадочн. преступления, убийства). **М. Твэн.** «Янки п. дворе короля Артура» **М. Твэн,** Рассказы. **Г. Флерон.** Из жизни зверя **Р. М. Баллантайн.** «Кор лловый остров». (Приключения трех юношей, выброшенных бурей на необитаемый остров). (Названия остальных книг будут указаны в ноябрьск №№ «Вокруг Света»)

О ПРЕМИЯХ И КОНКУРСАХ:

Все подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

6 велосипедов.	10 столярных наборов.	12 пар лыж.
4 ружья.	10 рыболовных наборов.	12 пар коньков.
4 радио-аппарата.	10 фуфак и трусиков.	12 электрических фонарей.
10 карманных часов.	10 футбольных мячей.	40 самопишущих перьев.
		60 перочинных ножей.

Все читатели участвуют также в особых КОНКУРСАХ, победители в которых получают:

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИБОРЫ. ♦ ПОРТФЕЛИ. ♦ КОШЕЛЬКИ-ПОРТМОНЭ.

или ДРУГИЕ ВЕЩИ, ПО ИХ ВЫБОРУ.

ПОДПИСЧИКАМ ЖУРНАЛА НАМЕЧЕНО ОСОБОЕ ДОЗАВОЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Собрания сочинений Г. УЭЛЛСА 12 иллюстр. томов и Д. ОЛ. КЕРВУДА 12 иллюстр. томов.

Заказы и деньги направлять: Ленинград, Фонтанка, 57, „ВОКРУГ СВЕТА“